ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ГОДЪ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ. III-Й.

Т 16/99

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫПУСКЪ НА 1880.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

АВГУСТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1.

Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже Рѣчи о Пушкинѣ.

Рѣчь моя о Пушкинѣ и о значеніи его, помѣщаемая ниже и составляющая основу содержанія настоящаго выпуска „Дневника Писателя“ (единственнаго выпуска за 1880 годъ *), была произнесена 8 Іюня сего года въ торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, при многочисленной публикѣ, и произвела значительное впечатлѣніе. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, сказавшій тутъ же о себѣ, что его считаютъ всѣ какъ бы представителемъ славянофиловъ, заявилъ съ кафедры, что моя рѣчь „составляетъ событіе“. Не для похвальбы вспоминаю это теперь, а для того чтобы заявить вотъ что: Если моя рѣчь составляетъ событіе, то только съ одной и единственной точки зрѣнія, которую обозначу ниже. Для сего и пишу это предисловіе. Собственно же въ рѣчи моей я хотѣлъ обозначить лишь слѣдующіе четыре пункта въ значеніи Пушкина для Россіи.

1) То, что Пушкинъ первый, своимъ глубоко прозорливымъ и геніальнымъ умомъ и чисто русскимъ сердцемъ своимъ отыскалъ и отмѣтилъ главнѣйшее и болѣзненное явленіе нашего интелигентнаго, исторически оторваннаго отъ почвы общества, возвысившагося надъ народомъ. Онъ отмѣтилъ и выпукло поставилъ передъ нами отрицательный типъ нашъ, человѣка безпокоющагося и не примиряющагося, въ родную почву и въ родныя силы ея

*) Изданіе «Дневника Писателя» надѣюсь возобновить въ будущемъ 1881 году если позволитъ мое здоровье.

не вѣрующаго, Россію и себя самаго (то есть свое же общество, свой же интелигентный слой возникшій надъ родной почвой нашей) въ концѣ концовъ отрицающаго, дѣлать съ другими не желающаго, и искренно страдающаго. Алеко и Онѣгинъ породили потомъ множество подобныхъ себѣ въ нашей художественной литературѣ. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецкіе, Болконскіе (въ „Войнѣ и Мирѣ“ Льва Толстаго) и множество другихъ, уже появленіемъ своимъ засвидѣтельствовавшіе о правдѣ первоначально данной мысли Пушкинымъ. Ему честь и слава, его громадному уму и генію, отмѣтившему самую больную язву составившагося у насъ послѣ великой Петровской реформы общества. Его искусному діагнозу мы обязаны обозначеніемъ и распознаніемъ болѣзни нашей, и онъ же, онъ первый, далъ и утѣшеніе: ибо онъ же далъ и великую надежду, что болѣзнь эта не смертельна и что русское общество можетъ быть излѣчено, можетъ вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится къ правдѣ народной, ибо

2) Онъ первый (именно первый, а до него никто) далъ намъ художественные типы красоты русской, вышедшей прямо изъ духа русскаго, обрѣтавшейся въ народной правдѣ, въ почвѣ нашей, и имъ въ ней отысканные. Свидѣтельствуютъ о томъ типы Татьяны, женщины совершенно русской, уберегшей себя отъ наносной лжи, типы историческіе, какъ напримѣръ Инокъ и другіе въ „Борисѣ Годуновѣ“, типы бытовые какъ въ „Капитанской Дочкѣ“, и во множествѣ другихъ образовъ, мелькающихъ въ его стихотвореніяхъ, въ разсказахъ, въ запискахъ, даже въ Исторіи Пугачевскаго бунта. Главное же что надо особенно подчеркнуть это то, что всѣ эти типы положительной красоты человѣка русскаго и души его, взяты всецѣло изъ народнаго духа. Тутъ уже надобно говорить всю правду: не въ нынѣшней нашей цивилизаціи, не въ „европейскомъ“ такъ называемомъ образованіи (котораго у насъ, къ слову сказать, никогда и не было), не въ уродливостяхъ внѣшне усвоенныхъ европейскихъ идей и формъ указалъ Пушкинъ эту красоту, а единственно въ народномъ духѣ нашелъ ее и *только въ немъ*. Такимъ образомъ, повторяю, обозначивъ болѣзнь, далъ и великую надежду: „Увѣруйте въ духъ народный и отъ него единаго ждите спасенія и будете спасены. Вникнувъ въ Пушкина не сдѣлать такого вывода невозможно.

Третій пунктъ, который я хотѣлъ отмѣтить въ значеніи Пушкина есть та особая характернѣйшая и не встрѣчаемая кромѣ него нигдѣ и ни у кого черта художественнаго генія—способность всемірной отзывчивости и полнѣйшаго перевоплощенія въ геніи чужихъ націй, перевоплощенія почти совершеннаго. Я сказалъ въ моей рѣчи, что въ Европѣ были величайшіе художественные міровые геніи: Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры, но что ни у кого изъ нихъ не видимъ этой способности, а видимъ ее только у Пушкина. Не въ отзывчивости одной тутъ дѣло, а именно въ изумляющей полнотѣ перевоплощенія. Эту способность, понятно, я не могъ не отмѣтить въ оцѣнкѣ Пушкина, именно какъ характернѣйшую особенность его генія, принадлежащую изъ всѣхъ всемірныхъ художниковъ ему только одному, чѣмъ и отличается онъ отъ нихъ отъ всѣхъ. Но не для умаленія такой величины европейскихъ геніевъ какъ Шекспиръ и Шиллеръ сказалъ я это; такой глупенькій выводъ

изъ моихъ словъ могъ бы сдѣлать только дуракъ. Всемірность, *всепонятность* и неизслѣдимая глубина міровыхъ типовъ человѣка арійскаго племени, данныхъ Шекспиромъ на вѣки вѣковъ, не подвергается мною ни малѣйшему сомнѣнію. И еслибъ Шекспиръ создалъ Отелло дѣйствительно *венеціанскимъ* мавромъ, а не англичаниномъ, то только придалъ бы ему ореолъ мѣстной національной характерности, міровое же значеніе этого типа осталось бы по прежнему тоже самое, ибо и въ итальянцѣ онъ выразилъ бы тоже самое что хотѣлъ сказать, съ такою же силою. Повторяю, не на міровое значеніе Шекспировъ и Шиллеровъ хотѣлъ я посягнуть обозначая геніальнѣйшую способность Пушкина перевоплощаться въ геніи чужихъ націй, а желая лишь въ самой этой способности и въ полнотѣ ея отмѣтить великое и пророческое для насъ указаніе, ибо

4) Способность эта есть всецѣло способность русская, національная и Пушкинъ только дѣлитъ ее со всѣмъ народомъ нашимъ, и, какъ совершеннѣйшій художникъ, онъ есть и совершеннѣйшій выразитель этой способности, по крайней мѣрѣ въ своей дѣятельности, въ дѣятельности художника. Народъ же нашъ именно заключаетъ въ душѣ своей эту склонность къ всемірной отзывчивости и къ всепримиренію и уже проявилъ ее во все двухсотлѣтіе съ Петровской реформы не разъ. Обозначая эту способность народа нашего я не могъ не выставить въ тоже время, въ фактѣ этомъ, и великаго утѣшенія для насъ въ нашемъ будущемъ, великой и можетъ быть величайшей надежды нашей, свѣтящей намъ впереди. Главное, я обозначилъ то, что стремленіе наше въ Европу даже со всѣми увлеченіями и крайностями его, было не только законно и разумно, *въ основаніи своемъ*, но и народно, совпадало вполнѣ съ стремленіями самого духа народнаго, а въ концѣ концовъ безспорно имѣетъ и высшую цѣль. Въ краткой, слишкомъ краткой рѣчи моей, я конечно не могъ развить мою мысль во всей полнотѣ, но по крайней мѣрѣ то что высказано, кажется ясно. И не надо, не надо возмущаться сказаннымъ мною: „что нищая земля наша можетъ быть въ концѣ концовъ скажетъ новое слово міру“. Смѣшно тоже и увѣрять, что прежде чѣмъ сказать новое слово міру „надобно намъ самимъ развиться экономически, научно и гражданственно, и тогда только мечтать о „новыхъ словахъ“ такимъ совершеннымъ (будто бы) организмамъ какъ народы Европы“. Я именно напираю въ моей рѣчи что и не пытаюсь равнять русскій народъ съ народами западными въ сферахъ ихъ экономической славы, или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что геній народа русскаго можетъ быть наиболѣе способны, изъ всѣхъ народовъ, вмѣстить въ себѣ идею всечеловѣческаго единенія, братской любви, трезваго взгляда прощающаго враждебное, различающаго и извиняющаго несходное, снимающаго противорѣчія. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и можетъ ли кто отрицать и оспорить что ея нѣтъ въ народѣ русскомъ? Можетъ ли кто сказать, что русскій народъ есть только косная масса, осужденная лишь служить *экономически* преуспѣянію и развитію европейской интелигенціи нашей, возвысившейся надъ народомъ нашимъ, сама же въ себѣ заключаетъ лишь мертвую косность, отъ которой ничего и не слѣдуетъ ожидать и на которую совсѣмъ нечего возлагать никакихъ надеждъ? Увы, такъ многіе

утверждаютъ, но я рискнулъ объявить иное. Повторяю, я конечно не могъ доказать „этой фантазіи моей“, какъ я самъ выразился, обстоятельно и со всею полнотою, но я не могъ и не указать на нее. Утверждать же, что нищая и неурядная земля наша не можетъ заключать въ себѣ столь высокія стремленія, пока не сдѣлается экономически и гражданственно подобною Западу,—есть уже просто нелѣпость. Основныя нравственныя сокровища духа, въ основной сущности своей по крайней мѣрѣ, не зависятъ отъ экономической силы. Наша нищая неурядная земля, кромѣ высшаго слоя своего, вся сплошь какъ одинъ человѣкъ. Всѣ восемьдесятъ милліоновъ ея населенія представляютъ собою такое духовное единеніе, какого конечно въ Европѣ нѣтъ нигдѣ и не можетъ быть, а стало быть уже по сему одному нельзя сказать, что наша земля неурядна, даже въ строгомъ смыслѣ нельзя сказать, что и нищая. Напротивъ, въ Европѣ, въ этой Европѣ гдѣ накоплено столько богатствъ все гражданское основаніе всѣхъ европейскихъ націй—все подкопано и можетъ быть завтра же рухнетъ безслѣдно на вѣки вѣковъ, а взамѣнъ наступитъ нѣчто неслыханно-новое, ни на что прежнее не похожее. И всѣ богатства накопленныя Европой не спасутъ ее отъ паденія, ибо „въ одинъ мигъ изчезнетъ и богатство“. Между тѣмъ на этотъ, именно на этотъ подкопанный и зараженный ихъ гражданскій строй и указываютъ народу нашему какъ на идеалъ, къ которому онъ долженъ стремиться, и лишь по достиженіи имъ этого идеала осмѣлиться пролепетать свое какое либо слово Европѣ. Мы же утверждаемъ, что вмѣщать и носить въ себѣ силу любящаго и всеединяющаго духа можно и при теперешней экономической нищетѣ нашей, да и не при такой еще нищетѣ какъ теперь: Ее можно сохранять и вмѣщать въ себѣ даже и при такой нищетѣ какая была послѣ нашествія Батыева или послѣ погрома Смутнаго времени, когда единственно всеединящимъ духомъ народнымъ была спасена Россія. И наконецъ, если ужь въ самомъ дѣлѣ такъ необходимо надо, для того чтобъ имѣть право любить человѣчество и носить въ себѣ всеединящую душу, для того чтобъ заключать въ себѣ способность не ненавидѣть чужіе народы за то что они не похожи на насъ; для того чтобъ имѣть желаніе не укрѣпляться отъ всѣхъ въ своей національности чтобъ ей только одной все досталось, а другія національности считать только за лимонъ, который можно выжать (а народы такого духа вѣдь есть въ Европѣ!)—если и въ самомъ дѣлѣ для достиженія всего этого надо, повторяю я, предварительно стать народомъ богатымъ и перетащить къ себѣ европейское гражданское устройство, то неужели всетаки мы и тутъ должны рабски скопировать это европейское устройство (которое завтра же въ Европѣ рухнетъ)? Неужели и тутъ не дадутъ и не позволятъ русскому организму развиться національно, своей органической силой, а непремѣнно обезличенно, лакейски подражая Европѣ? Да куда же дѣвать тогда русскій-то организмъ? Понимаютъ ли эти господа что такое организмъ? А еще толкуютъ о естественныхъ наукахъ! „Этого народъ не позволитъ“ сказалъ по одному поводу, года два назадъ, одинъ собесѣдникъ одному ярому западнику. „Такъ уничтожить народъ“!—отвѣтилъ западникъ спокойно и величаво. И былъ онъ не кто нибудь, а одинъ изъ представителей нашей интелигенціи. Анекдотъ этотъ вѣренъ.

Четырьмя этими пунктами я обозначилъ значеніе для насъ Пушкина и рѣчь моя, повторяю, произвела впечатлѣніе. Не заслугами своими произвела она это впечатлѣніе (я напираю на это), не талантливостью изложенія (соглашаюсь въ этомъ со всѣми моими противниками и не хвалюсь), а искренностью ея, и, осмѣлюсь сказать это,— нѣкоторою неотразимостью выставленныхъ мною фактовъ, не смотря на всю краткость и неполноту моей рѣчи. Но въ чемъ же однако заключалось „событіе“—то, какъ выразился Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ? А вотъ именно въ томъ, что Славянофилами, или такъ называемой русской партіей (Боже, у насъ есть „русская партія!) сдѣланъ былъ огромный и окончательный можетъ быть шагъ къ примиренію съ западниками; ибо славянофилы заявили всю законность стремленія западниковъ въ Европу, всю законность даже самыхъ крайнихъ увлеченій и выводовъ ихъ, и объяснили эту законность чисто русскимъ народнымъ стремленіемъ нашимъ, совпадаемымъ съ самимъ духомъ народнымъ. Увлеченія же оправдали — историческою необходимостью, историческимъ фатумомъ, такъ что въ концѣ концовъ и въ итогѣ, если когда нибудь будетъ онъ подведенъ, обозначится что западники ровно столько же послужили русской землѣ и стремленіямъ духа ея какъ и всѣ тѣ чисто русскіе люди, которые искренно любили родную землю и слишкомъ можетъ быть ревниво оберегали ее доселѣ отъ всѣхъ увлеченій „русскихъ иноземцевъ“. Объявлено было наконецъ, что всѣ недоумѣнія между обѣими партіями и всѣ злыя препиранія между ними были доселѣ лишь однимъ великимъ недоразумѣніемъ. Вотъ это-то и могло бы стать пожалуй „событіемъ“, ибо представители славянофильства тутъ же, сейчасъ же послѣ рѣчи моей, вполнѣ согласились со всѣми ея выводами. Я же заявляю теперь—да и заявилъ это въ самой рѣчи моей,—что честь этого новаго шага (если только искреннѣйшее желаніе примиренія составляетъ честь), что заслуга этого новаго, если хотите, слова, вовсе не мнѣ одному принадлежитъ, а всему славянофильству, всему духу и направленію „партіи“ нашей, что это всегда было ясно для тѣхъ, которые безпристрастно вникали въ славянофильство, что идея, которую я высказалъ, была уже не разъ если не высказываема, то указываема ими. Я же съумѣлъ лишь во время уловить минуту. Теперь вотъ заключеніе: если западники примутъ нашъ выводъ и согласятся съ нимъ, то и впрямь, конечно, уничтожатся всѣ недоразумѣнія между обѣими партіями, такъ что „Западникамъ и Славянофиламъ“ не объ чемъ будетъ и спорить, какъ выразился Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, „такъ какъ все отнынѣ разъяснено“. Съ этой точки зрѣнія конечно рѣчь моя была бы „событіемъ“. Но увы, слово „событіе“ произнесено было лишь въ искреннемъ увлеченіи съ одной стороны, но примется-ли другою стороною и не останется лишь въ идеалѣ, это уже совсѣмъ другой вопросъ. Рядомъ съ Славянофилами, обнимавшими меня и жавшими мнѣ руку, тутъ же на эстрадѣ, едва лишь я сошелъ съ кафедры, подошли ко мнѣ пожать мою руку и Западники, и не какіе нибудь изъ нихъ, а передовые представители западничества, занимающіе въ немъ первую роль, особенно теперь. Они жали мнѣ руку съ такимъ же горячимъ и искреннимъ увлеченіемъ какъ Славянофилы, и называ-

ли мою рѣчь геніальною, и нѣсколько разъ, напирая на слово это, произнесли что она геніальна. Но боюсь, боюсь искренно: не въ первыхъ-ли „попыхахъ“ увлеченія произнесено было это! О, не того боюсь я, что они откажутся отъ мнѣнія своего, что моя рѣчь геніальна, я вѣдь и самъ знаю что она не геніальна и нисколько не былъ обольщенъ похвалами, такъ что отъ всего сердца прошу имъ ихъ разочарованіе въ моей геніальности,—но вотъ что однако же можетъ случиться, вотъ что могутъ сказать западники чуть-чуть подумавъ: (Nota bene, я не объ тѣхъ пишу, которые жали мнѣ руку, я лишь вообще о западникахъ теперь скажу, на это я напираю): „А, скажутъ, можетъ быть, западники (слышите: только „можетъ быть“, не болѣе)—а, вы согласились таки наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и препираній, что стремленіе наше въ Европу было законно и нормально, вы признали, что на нашей сторонѣ тоже была правда и склонили ваши знамена,—чтожъ, мы принимаемъ ваше признаніе радушно и спѣшимъ заявить вамъ, что съ вашей стороны это даже довольно не дурно: обозначаетъ по крайней мѣрѣ въ васъ нѣкоторый умъ, въ которомъ впрочемъ мы вамъ никогда не отказывали, за исключеніемъ развѣ самыхъ тупѣйшихъ изъ нашихъ, за которыхъ мы отвѣчать не хотимъ и не можемъ,—но.... тутъ, видите-ли, является опять нѣкоторая новая запятая, и это надобно какъ можно скорѣе разъяснить. Дѣло въ томъ, что ваше-то положеніе, вашъ-то выводъ о томъ, что мы, въ увлеченіяхъ нашихъ совпадали будто-бы съ народнымъ духомъ и таинственно направлялись имъ, ваше-то это положеніе—всетаки остается для насъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ, а потому и соглашеніе между нами опять-таки становится невозможнымъ. Знайте, что мы направлялись Европой, наукой ея и реформой Петра, но ужъ отнюдь не духомъ народа нашего, ибо духа этого мы не встрѣчали и не обоняли на нашемъ пути, напротивъ оставили его назади и поскорѣе отъ него убѣжали. Мы съ самаго начала пошли самостоятельно, а вовсе не слѣдуя какому то будто бы влекущему инстинкту народа русскаго ко всемірной отзывчивости и къ соединенію человѣчества,—ну однимъ словомъ ко всему тому о чемъ вы теперь столько наговорили. Въ народѣ русскомъ, такъ какъ ужъ пришло время высказаться вполнѣ откровенно, мы по прежнему видимъ лишь косную массу, у которой намъ нечему учиться, тормозящую напротивъ развитіе Россіи къ прогрессивному лучшему, и которую всю надо пересоздать и передѣлать,—если ужъ невозможно и нельзя органически, то по крайней мѣрѣ механически, то есть по просту заставивъ ее разъ навсегда насъ слушаться, во вѣки вѣковъ. А чтобы достигнуть сего послушанія вотъ и необходимо усвоить себѣ гражданское устройство точь въ точь какъ въ европейскихъ земляхъ, о которомъ именно теперь пошла рѣчь. Собственно же народъ нашъ нищъ и смердъ, какимъ онъ былъ всегда, и не можетъ имѣть ни лица ни идеи. Вся исторія народа нашего есть абсурдъ, изъ котораго вы до сихъ поръ чортъ знаетъ что выводили, а смотрѣли только мы трезво. Надобно чтобъ такой народъ какъ нашъ—не имѣлъ исторіи, а то, что имѣлъ подъ видомъ исторіи должно быть съ отвращеніемъ забыто имъ, все цѣликомъ. Надобно чтобъ имѣло исторію лишь одно наше интелигентное общество, которому народъ долженъ служить лишь своимъ трудомъ и своими силами.

Позвольте, не безпокойтесь и не кричите: не закабалить народъ нашъ мы хотимъ, говоря о послушаніи его, о конечно нѣтъ! не выводите пожалуста этого: мы гуманны, мы Европейцы, вы слишкомъ знаете это. Напротивъ, мы намѣрены образовать нашъ народъ по маленьку, въ порядкѣ, и увѣнчать наше зданіе вознеся народъ до себя и передѣлавъ его національность уже въ иную, какая тамъ сама наступитъ послѣ образованія его. Образованіе же его мы оснуемъ и начнемъ съ чего сами начали, т. е. на отрицаніи имъ всего его прошлаго, и на проклятіи, которому онъ самъ долженъ предать свое прошлое. Чуть мы выучимъ человѣка изъ народа грамотѣ, тотчасъ же и заставимъ его нюхнуть Европы, тотчасъ же начнемъ обольщать его Европой, ну хотя бы утонченностью быта, приличій, костюма, напитковъ, танцевъ,—словомъ, заставимъ его устыдиться своего прежняго лаптя и квасу, устыдиться своихъ древнихъ пѣсень, и хотя изъ нихъ есть нѣсколько прекрасныхъ и музыкальныхъ, но мы все таки заставимъ его пѣть рифмованный водевиль, сколь бы вы тамъ ни сердились на это. Однимъ словомъ, для доброй цѣли мы, многочисленнѣйшими и всякими средствами, подѣйствуемъ прежде всего на слабыя струны характера какъ и съ нами было, и тогда народъ—нашъ. Онъ застыдится своего прежняго и проклянетъ его. Кто проклянетъ свое прежнее тотъ уже нашъ,—вотъ наша формула! Мы ее всецѣло приложимъ, когда примемся возносить народъ до себя. Если же народъ окажется неспособнымъ къ образованію, то — „устранить народъ“. Ибо тогда выставится уже ясно, что народъ нашъ есть только недостойная, варварская масса, которую надо заставить лишь слушаться. Ибо что же тутъ дѣлать: въ Интелигенціи и въ Европѣ лишь правда, а потому хоть у васъ и восемьдесятъ милліоновъ народу (чѣмъ вы, кажется, хвастаетесь), но всѣ эти милліоны должны прежде всего послужить этой европейской правдѣ, такъ какъ другой нѣтъ и не можетъ быть. Количествомъ же милліоновъ насъ не испугаете. Вотъ всегдашній нашъ выводъ, только теперь ужъ во всей наготѣ, и мы остаемся при немъ. Не можемъ же мы, принявъ вашъ выводъ толковать вмѣстѣ съ вами, напримѣръ, о такихъ странныхъ вещахъ какъ le Pravoslavié и какое то будто бы особое значеніе его. Надѣемся что вы отъ насъ хотя этого-то не потребуете, особенно теперь, когда послѣднее слово Европы и Европейской науки въ общемъ выводѣ есть атеизмъ, просвѣщенный и гуманный, а мы не можемъ же не идти за Европой.

А потому ту половину произнесенной рѣчи, въ которой вы высказываете намъ похвалы, мы пожалуй согласимся принять съ извѣстными ограниченіями, такъ и быть сдѣлаемъ вамъ эту любезность. Ну, а ту половину, которая относится къ вамъ и ко всѣмъ этимъ вашимъ „началамъ“—ужъ извините мы не можемъ принять“... Вотъ какой можетъ быть грустный выводъ. Повторяю: я не только не осмѣлюсь вложить этотъ выводъ въ уста тѣхъ западниковъ, которые жали мнѣ руку, но и въ уста многихъ, очень многихъ, просвѣщеннѣйшихъ изъ нихъ, русскихъ дѣятелей и вполнѣ русскихъ людей не смотря на ихъ теоріи, почтенныхъ и уважаемыхъ русскихъ гражданъ. Но за то масса-то, масса-то оторвавшихся и отщепенцевъ, масса-то вашего Западничества, середина-то, улица-то по которой влачится идея,—всѣ эти смерды-то „направленія“ (а ихъ какъ песку морскаго) о, тамъ непремѣнно наскажутъ

въ этомъ родѣ, и можетъ быть даже ужъ и насказали. (Nota bene. На счетъ вѣры, напримѣръ, уже было заявлено въ одномъ изданіи, со всѣмъ свойственнымъ ему остроуміемъ, что цѣль Славянофиловъ—это перекрестить всю Европу въ православіе). Но отбросимъ мрачныя мысли и будемъ надѣяться на передовыхъ представителей нашего Европеизма. И если они примутъ хоть только половину нашего вывода и нашихъ надеждъ на нихъ, то честь имъ и слава и за это, и мы встрѣтимъ ихъ въ восторгѣ нашего сердца. Если даже одну половину примутъ они, т. е. признаютъ хоть самостоятельность и личность русскаго духа, законность его бытія и человѣколюбивое, всеединящее его стремленіе, то и тогда уже будетъ почти не о чемъ спорить, по крайней мѣрѣ изъ основнаго, изъ главнаго. Тогда дѣйствительно моя рѣчь послужила бы къ основанію новаго событія. Не она сама, повторяю въ послѣдній разъ, была бы событіемъ (она недостойна такого наименованія) а великое Пушкинское торжество, послужившее событіемъ нашего единенія,—единенія уже всѣхъ образованныхъ и искреннихъ русскихъ людей для будущей прекраснѣйшей цѣли.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПУШКИНЪ.

(Очеркъ).

Произнесено 8 Іюня въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности.

Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и можетъ-быть единственное явленіе русскаго духа, сказалъ Гоголь, Прибавлю отъ себя: и пророческое. Да, въ появленіи его заключается для всѣхъ насъ, Русскихъ, нѣчто безспорно пророческое. Пушкинъ какъ разъ приходитъ въ самомъ началѣ правильнаго самосознанія нашего, едва лишь начавшагося и зародившагося въ обществѣ нашемъ послѣ цѣлаго столѣтія съ Петровской реформы, и появленіе его сильно способствуетъ освѣщенію темной дороги нашей новымъ направляющимъ свѣтомъ. Въ этомъ-то смыслѣ Пушкинъ есть пророчество и указаніе. Я дѣлю дѣятельность нашего великаго поэта на три періода. Говорю теперь не какъ литературный критикъ: касаясь творческой дѣятельности Пушкина я хочу лишь разъяснить мою мысль о пророческомъ для насъ значеніи его, и что я въ этомъ словѣ разумѣю. Замѣчу однакоже мимоходомъ что періоды дѣятельности Пушкина не имѣютъ, кажется мнѣ, твердыхъ между собою границъ. Начало *Онѣгина*, напримѣръ, принадлежитъ по-моему еще къ первому періоду дѣятельности поэта, а кончается *Онѣгинъ* во второмъ періодѣ, когда Пушкинъ нашелъ уже свои идеалы въ родной землѣ, воспріялъ и возлюбилъ ихъ всецѣло своею любящею и прозорливою душой. Принято тоже говорить что въ первомъ періодѣ своей дѣятельности Пушкинъ подражалъ европейскимъ поэтамъ, Парни, Андре

Шенье и другимъ, особенно Байрону. Да, безъ сомнѣнія, поэты Европы имѣли великое вліяніе на развитіе его генія, да и сохраняли вліяніе это во всю его жизнь. Тѣмъ не менѣе, даже самыя первыя поэмы Пушкина были не однимъ лишь подражаніемъ, такъ что и въ нихъ уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его генія. Въ подражаніяхъ никогда не появляется такой самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія которыя явилъ Пушкинъ напримѣръ въ *Цыганахъ*—поэмѣ которую я всецѣло отношу еще къ первому періоду его творческой дѣятельности. Не говорю уже о творческой силѣ и о стремительности, которой не явилось бы столько еслибъ онъ только лишь подражалъ. Въ типѣ Алеко, героѣ поэмы *Цыганы*, сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная потомъ въ такой гармонической полнотѣ въ *Онѣгинѣ*, гдѣ почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осязаемо-реальномъ и понятномъ видѣ. Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ его конечно не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей Русской землѣ поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго кажется не исчезнутъ. И если они не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у Цыганъ въ ихъ дикомъ своеобразномъ бытѣ своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія наконѣ природы отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго—интеллигентнаго общества, то все равно ударяются въ соціализмъ, котораго еще не было при Алеко, ходятъ съ новою вѣрой на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя какъ и Алеко что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья не только для себя самого, но и всемірнаго. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемірное счастіе чтобъ успокоиться: дешевле онъ не примирится,—конечно пока дѣло только въ теоріи. Это все тотъ же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійся. Человѣкъ этотъ, повторяю, зародился какъ разъ въ началѣ втораго столѣтія послѣ великой Петровской реформы, въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы. О, огромное большинство интеллигентныхъ Русскихъ, и тогда при Пушкинѣ, какъ и теперь, въ наше время, служили и служатъ мирно въ чиновникахъ, въ казнѣ или на желѣзныхъ дорогахъ и въ банкахъ, или просто наживаютъ разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читаютъ лекціи—и все это регулярно, лѣниво и мирно, съ полученіемъ жалованья, съ игрой въ преферансъ, безо всякаго поползновенія бѣжать въ цыганскіе таборы или куда-нибудь въ мѣста болѣе соотвѣтствующія нашему времени. Много, много что полиберальничаютъ „съ оттѣнкомъ европейскаго соціализма“, но которому приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ,—но вѣдь все это вопросъ только времени. Что въ томъ что одинъ еще и не начиналъ безпокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой двери и объ нее крѣпко стукнулся лбомъ. Всѣхъ въ свое время то же самое ожи-

дается если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь „избранныхъ“, довольно лишь десятой доли забезпокоившихся, чтобъ и остальному огромному большинству не видать чрезъ нихъ покоя. Алеко конечно еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлечено, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачъ о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чемъ она могла бы явиться и когда именно она потеряна, конечно онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно. Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: „правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ-быть гдѣ-то въ другихъ земляхъ, европейскихъ напримѣръ, съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною, и гражданскою жизнью“. И никогда-то онъ не пойметъ что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ вѣдь въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ какъ институтка въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ на которые раздѣлено образованное русское общество. Онъ пока всего только оторванная носящаяся по воздуху былинка. И онъ это чувствуетъ и этимъ страдаетъ, и часто такъ мучительно! Ну и что же въ томъ что принадлежа можетъ быть къ родовому дворянству и даже весьма вѣроятно обладая крѣпостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по вольности своего дворянства, маленькую фантазійку прельститься людьми живущими „безъ закона“ и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, „дикая женщина“, по выраженію одного поэта, всего скорѣе могла подать ему надежду на исходъ тоски его, и онъ съ легкомысленною, но страстною вѣрой бросается къ Земфирѣ: „Вотъ, дескать, гдѣ исходъ мой, вотъ гдѣ можетъ быть мое счастье, здѣсь, на лонѣ природы, далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей у которыхъ нѣтъ цивилизаціи и законовъ!“ И что же оказывается: при первомъ столкновеніи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ не выдерживаетъ и обагряетъ свои руки кровью. Не только для міровой гармоніи, но даже и для Цыганъ не пригодился несчастный мечтатель и они выгоняютъ его—безъ отмщенія, безъ злобы, величаво и простодушно:

Оставь насъ гордый человѣкъ;
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ.

Все это конечно фантастично, но „гордый-то человѣкъ“ реаленъ и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ схваченъ онъ у насъ Пушкинъ, и это надо запомнить. Именно, именно, чуть не понемъ, и онъ злобно растерзаетъ и казнитъ за свою обиду, или, что даже удобнѣе, вспомнивъ о принадлежности своей къ одному изъ четырнадцати классовъ, самъ возопіетъ можетъ-быть (ибо случалось и это) къ закону терзающему и казнящему, и призоветъ его только бы отомщена была личная обида его. Нѣтъ, эта геніальная поэма не подражаніе! Тутъ уже подсказывается русское рѣшеніе вопроса, „прок-

лятаго вопроса", по народной вѣрѣ и правдѣ: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ", вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму. „Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ; найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя,—и станешь свободенъ какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконецъ народъ свой и святую правду его. Не у Цыганъ и нигдѣ міровая гармонія, если ты первый самъ ея недостоинъ, злобенъ и гордъ, и требуешь жизни даромъ, даже и не предполагая что за нее надобно заплатить". Это рѣшеніе вопроса въ поэмѣ Пушкина уже сильно подсказано. Еще яснѣе выражено оно въ *Евгеніи Онѣгинѣ*, поэмѣ уже не фантастической, но осязательно реальной, въ которой воплощена настоящая русская жизнь съ такою творческою силой и съ такою законченностію, какой и не бывало до Пушкина, да и послѣ его пожалуй.

Онѣгинъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга,—непремѣнно изъ Петербурга, это несомнѣнно необходимо было въ поэмѣ и Пушкинъ не могъ упустить такой крупной реальной черты въ біографіи своего героя. Повторяю опять, это тотъ же Алеко, особенно потомъ когда онъ восклицаетъ въ тоскѣ:

Зачѣмъ какъ тульскій засѣдатель
Я не лежу въ параличѣ?

Но теперь, въ началѣ поэмы, онъ пока еще на половину фатъ и свѣтскій человѣкъ, и слишкомъ еще мало жилъ чтобъ успѣть вполнѣ разочароваться въ жизни. Но и его уже начинаетъ посѣщать и безпокоить

Бѣсъ благородный скуки тайной

Въ глуши, въ сердцѣ своей родины, онъ конечно не у себя, онъ не дома. Онъ не знаетъ что ему тутъ дѣлать и чувствуетъ себя какъ бы у себя же въ гостяхъ. Впослѣдствіи, когда онъ скитается въ тоскѣ по родной землѣ и по землямъ иностраннымъ, онъ, какъ человѣкъ безспорно умный и безспорно искренній, еще болѣе чувствуетъ себя и у чужихъ себѣ самому чужимъ. Правда, и онъ любитъ родную землю, но ей не довѣряетъ. Конечно слыхалъ и объ родныхъ идеалахъ, но имъ не вѣритъ. Вѣритъ лишь въ полную невозможность какой бы то ни было работы на родной нивѣ, а на вѣрующихъ въ эту возможность,—и тогда какъ и теперь немногихъ,—смотритъ съ грустною насмѣшкой. Ленскаго онъ убилъ просто отъ хандры, почемъ знать, можетъ быть отъ хандры по міровому идеалу,—это слишкомъ понашему, это вѣроятно. Не такова Татьяна: это типъ твердый, стоящій твердо на своей почвѣ. Она глубже Онѣгина и конечно умнѣе его. Она уже однимъ благороднымъ инстинктомъ своимъ предчувствуетъ гдѣ и въ чемъ правда, что и выразилось въ финалѣ поэмы. Можетъ быть Пушкинъ даже лучше бы сдѣлалъ если бы назвалъ свою поэму именемъ Татьяны, а не Онѣгина, ибо безспорно она главная героиня поэмы. Это положительный типъ, а не отрицательный, это типъ положительной красоты, это апоѳеоза русской женщины, и ей предназначилъ поэтъ высказать мысль поэмы въ знаменитой сценѣ послѣдней встрѣчи Татьяны съ Онѣ-

гинымъ. Можно даже сказать что такой красоты положительный типъ русской женщины почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ—кромѣ развѣ образа Лизы въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ* Тургенева. Но манера глядѣть свысока сдѣлала то что Онѣгинъ совсѣмъ даже не узналъ Татьяну когда встрѣтилъ ее въ первый разъ, въ глуши, въ скромномъ образѣ чистой, невинной дѣвушки, такъ оробѣвшей предъ нимъ съ перваго разу. Онъ не сумѣлъ отличить въ бѣдной дѣвочкѣ законченности и совершенства и дѣйствительно можетъ быть принялъ ее за „нравственный эмбріонъ". Это она то эмбріонъ, это послѣ письма то ея къ Онѣгину! Если есть кто нравственный эмбріонъ въ поэмѣ, такъ это конечно онъ самъ, Онѣгинъ, и это безспорно. Да и совсѣмъ не могъ онъ узнать ее: развѣ онъ знаетъ душу человѣческую? Это отвлеченный человѣкъ, это безпокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узналъ онъ ее и потомъ въ Петербургѣ, въ образѣ знатной дамы, когда, по его же словамъ, въ письмѣ къ Татьянѣ, „постигалъ душой всѣ ея совершенства". Но это только слова: Она прошла въ его жизни мимо него неузнанная и неоцѣненная имъ; въ томъ и трагедія ихъ романа. О, если бы тогда, въ деревнѣ, при первой встрѣчѣ съ нею, прибылъ туда же изъ Англіи Чайльдъ-Гарольдъ или даже, какъ нибудь, самъ лордъ Байронъ, и замѣтивъ ея робкую, скромную прелесть, указалъ бы ему на нее,—о, Онѣгинъ тотчасъ же былъ бы пораженъ и удивленъ, ибо въ этихъ міровыхъ страдальцахъ такъ много подчасъ лакейства духовнаго! Но этого не случилось, и искатель міровой гармоніи, прочтя ей проповѣдь и поступивъ все-таки очень честно, отправился съ міровою тоской своею и съ пролитою въ глупенькой злости кровью на рукахъ своихъ, скитаться по родинѣ, не примѣчая ея и, кипя здоровьемъ и силою, восклицать съ проклятіями:

Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,
Чего мнѣ ждать, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. Въ безсмертныхъ строфахъ романа поэтъ изобразилъ ее посѣтившею домъ этого столь чуднаго и загадочнаго еще для нея человѣка. Я уже не говорю о художественности, недосягаемой красотѣ и глубинѣ этихъ строфъ. Вотъ она въ его кабинетѣ, она разглядываетъ его книги, вещи, предметы, старается угадать по нимъ душу его, разгадать свою загадку, и „нравственный эмбріонъ" останавливается наконецъ въ раздумьи, со странною улыбкой, съ предчувствіемъ разрѣшенія загадки, и губы ея тихо шепчутъ:

Ужъ не пародія ли онъ?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. Въ Петербургѣ, потомъ, спустя долго, при новой встрѣчѣ ихъ, она уже совершенно его знаетъ. Кстати, кто сказалъ что свѣтская, придворная жизнь тлетворно коснулась ея души, и что именно санъ свѣтской дамы и новыя свѣтскія понятія были отчасти причиной отказа ея Онѣгину? Нѣтъ, это не такъ было. Нѣтъ, это та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она напротивъ удручена этою пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдаетъ; она ненавидитъ свой санъ свѣтской дамы, и кто судитъ о ней иначе, тотъ совсѣмъ не понимаетъ того что хотѣлъ сказать Пушкинъ. И вотъ она твердо говоритъ Онѣгину:

Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Высказала она это именно какъ русская женщина, въ этомъ ея апоѳеоза. Она высказываетъ правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ея религіозныя убѣжденія, про взглядъ на таинство брака—нѣтъ, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за нимъ, несмотря на то что сама же сказала ему: „я васъ люблю“, потому ли что она, „какъ русская женщина“ (а не южная, или не французская какая-нибудь), не способна на смѣлый шагъ, не въ силахъ порвать свои путы, не въ силахъ пожертвовать обаяніемъ честей, богатства, свѣтскаго *своего значенія*, условіями добродѣтели? Нѣтъ, русская женщина смѣла. Русская женщина смѣло пойдетъ за тѣмъ во что повѣритъ, и она доказала это. Но она „другому отдана, и будетъ вѣкъ ему вѣрна“, Кому же, чему же вѣрна? Какимъ это обязанностямъ? Этому-то старику генералу, котораго она не можетъ же любить, потому что любитъ Онѣгина, и за котораго вышла потому только что ее, „съ слезами заклинаній молила мать“, а въ обиженной, израненной душѣ ея было тогда лишь отчаяніе и никакой надежды, никакого просвѣта? Да, вѣрна этому генералу, ея мужу, честному человѣку, *ее любящему, ее уважающему и ею* гордящемуся. Пусть ее „молила мать“, но вѣдь она, а не кто другая, дала согласіе, она вѣдь, она сама поклялась ему быть честною женой его. Пусть она вышла за него съ отчаянія, но теперь онъ ея мужъ и измѣна ея покроетъ его позоромъ, стыдомъ, и убьетъ его. А развѣ можетъ человѣкъ основать свое счастье на несчастьи другаго? Счастье не въ однихъ только наслажденіяхъ любви, а и въ высшей гармоніи духа. Чѣмъ успокоить духъ, если назади стоитъ нечестный, безжалостный, безчеловѣчный поступокъ? Ей бѣжать изъ-за того только что тутъ мое счастье? Но какое же можетъ быть счастье если оно основано на чужомъ несчастіи? Позвольте, представьте что вы сами возводите зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ наконецъ миръ и покой. И вотъ, представьте себѣ тоже что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человѣческое существо, мало того—пусть даже не столь достойное, смѣшное даже на иной взглядъ существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честнаго старика, *мужа* молодой жены, въ любовь которой онъ вѣритъ слѣпо, хотя сердца ея не знаетъ вовсе, уважаетъ ее, гордится ею, счастливъ ею и покоенъ. И вотъ только его надо опозорить, обезчестить и замучить, и на слезахъ этого обезчещеннаго старика возвести ваше зданіе! Согласитесь ли вы быть архитекторомъ такого зданія на этомъ условіи? Вотъ вопросъ. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею что *люди для которыхъ* выстроили это зданіе согласились бы сами принять отъ васъ такое счастіе, если въ фундаментѣ его заложено страданіе, положимъ, хоть и *ничтожнаго существа*, но безжалостно и несправедливо замученнаго и, принявъ это счастіе, остаться на вѣки счастливыми? Скажите, могла ли рѣшить иначе Татьяна, съ ея высокою душой, съ ея сердцемъ столько пострадавшимъ? Нѣтъ: чистая русская душа рѣшаетъ вотъ какъ: „пусть, пусть я одна лишусь счастія, пусть мое несчастье безмѣрно сильнѣе чѣмъ несчастье этого старика, пусть наконецъ никто и никогда, а этотъ старикъ тоже, не узнаютъ моей жертвы и не оцѣнятъ ея, но не хочу быть

счастливою загубивъ другаго!“ Тутъ трагедія, она и совершается, и перейти предѣла нельзя, уже поздно, и вотъ Татьяна отсылаетъ Онѣгина. Скажутъ: да вѣдь несчастенъ же и Онѣгинъ: одного спасла, а другаго погубила! Позвольте, тутъ другой вопросъ, и даже можетъ-быть самый важный въ поэмѣ. Кстати, вопросъ: почему Татьяна не пошла съ Онѣгинымъ, имѣетъ у насъ, по крайней мѣрѣ въ литературѣ нашей, своего рода исторію весьма характерную, а потому я и позволилъ себѣ такъ объ этомъ вопросѣ распространиться. И всего характернѣе что нравственное разрѣшеніе этого вопроса столь долго подвергалось у насъ сомнѣнію. Я вотъ какъ думаю: еслибы Татьяна даже стала свободною, еслибъ умеръ ея старый мужъ и она овдовѣла, то и тогда бы она не пошла за Онѣгинымъ. Надобно же понимать всю суть этого характера? Вѣдь она же видитъ кто онъ такой: вѣчный скиталецъ увидалъ вдругъ женщину которою прежде пренебрегъ въ новой блестящей недосягаемой обстановкѣ,—да вѣдь въ этой обстановкѣ-то, пожалуй, и вся суть дѣла. Вѣдь этой дѣвочкѣ, которую онъ чуть не презиралъ, теперь покланяется свѣтъ,—свѣтъ, этотъ страшный авторитетъ для Онѣгина, несмотря на всѣ его міровыя стремленія,—вотъ вѣдь, вотъ почему онъ бросается къ ней ослѣпленный! Вотъ мой идеалъ, восклицаетъ онъ, вотъ мое спасеніе, вотъ исходъ тоски моей, я проглядѣлъ его, а „счастье было такъ возможно, такъ близко!“ И какъ прежде Алеко къ Земфирѣ, такъ и онъ устремляется къ Татьянѣ, ища въ новой причудливой фантазіи всѣхъ своихъ разрѣшеній. Да развѣ этого не видитъ въ немъ Татьяна, да развѣ она не разглядѣла его уже давно? Вѣдь она твердо знаетъ что онъ въ сущности любитъ только свою новую фантазію, а не ее, смиренную какъ и прежде Татьяну! Она знаетъ что онъ принимаетъ ее за что-то другое, а не за то что она есть, что не ее даже онъ и любитъ, что можетъ-быть онъ и никого не любитъ, да и не способенъ даже кого-нибудь любить, несмотря на то что такъ мучительно страдаетъ! Любитъ фантазію, да вѣдь онъ и самъ фантазія. Вѣдь если она пойдетъ за нимъ, то онъ завтра же разочаруется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо. У него никакой почвы, это былинка носимая вѣтромъ. Не такова она вовсе: у ней и въ отчаяніи, и въ страдальческомъ сознаніи что погибла ея жизнь, все-таки есть нѣчто твердое и незыблемое на что опирается ея душа. Это ея воспоминанія дѣтства, воспоминанія родины, деревенской глуши, въ которой началась ея смиренная, чистая жизнь,—это „крестъ и тѣнь вѣтвей надъ могилой ея бѣдной няни“. О, эти воспоминанія и прежніе образы ей теперь всего драгоцѣннѣе, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасаютъ ея душу отъ окончательнаго отчаянія. И этого не мало, нѣтъ, тутъ уже многое, потому что тутъ цѣлое основаніе, тутъ нѣчто незыблемое и неразрушимое. Тутъ соприкосновеніе съ родиной, съ роднымъ народомъ, съ его святынею. А у него что есть и кто онъ такой? Не идти же ей за нимъ изъ состраданія, чтобы только потѣшить его, чтобы хоть на время изъ безконечной любовной жалости подарить ему призракъ счастья, твердо зная напередъ что онъ завтра же посмотритъ на это счастье свое насмѣшливо. Нѣтъ, есть глубокія и твердыя души которыя не могутъ сознательно

отдать святыню свою на позоръ, хотя бы и изъ безконечнаго состраданія. Нѣтъ, Татьяна не могла пойти за Онѣгинымъ.

Итакъ, въ *Онѣгинѣ*, въ этой безсмертной и недосягаемой поэмѣ своей, Пушкинъ явился великимъ народнымъ писателемъ, какъ до него никогда и никто. Онъ разомъ, самымъ мѣткимъ, самымъ прозорливымъ образомъ отмѣтилъ самую глубь нашей сути, нашего верхняго надъ народомъ стоящаго общества. Отмѣтивъ типъ русскаго скитальца, скитальца до нашихъ дней и въ наши дни, первый угадавъ его геніальнымъ чутьемъ своимъ, съ историческою судьбой его и съ огромнымъ значеніемъ его и въ нашей грядущей судьбѣ, рядомъ съ нимъ поставивъ типъ положительной и безспорной красоты въ лицѣ русской женщины, Пушкинъ, и конечно тоже первый изъ писателей русскихъ, провелъ предъ нами въ другихъ произведеніяхъ этого періода своей дѣятельности цѣлый рядъ положительно прекрасныхъ русскихъ типовъ, найдя ихъ въ народѣ русскомъ. Главная красота этихъ типовъ въ ихъ правдѣ, правдѣ безспорной и осязательной, такъ что отрицать ихъ уже нельзя, они стоятъ какъ изваянные. Еще разъ напомню: говорю не какъ литературный критикъ, а потому и не стану разъяснять мысль мою особенно подробнымъ литературнымъ обсужденіемъ этихъ геніальныхъ произведеній нашего поэта. О типѣ русскаго инока-лѣтописца, напримѣръ, можно было бы написать цѣлую книгу чтобъ указать всю важность и все значеніе для насъ этого величаваго русскаго образа отысканнаго Пушкинымъ въ русской землѣ, имъ выведеннаго, имъ изваяннаго и поставленнаго предъ нами теперь уже на вѣки въ безспорной, смиренной и величавой духовной красотѣ своей, какъ свидѣтельство того мощнаго духа народной жизни, который можетъ выдѣлять изъ себя образы такой неоспоримой правды. Типъ этотъ данъ, есть, его нельзя оспорить, сказать что онъ выдумка, что онъ только фантазія и идеализація поэта. Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть, стало быть и духъ народа, его создавшій, есть, стало быть и жизненная сила этого духа есть и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вѣра въ русскій характеръ, вѣра въ его духовную мощь, а коль вѣра, стало быть и надежда, великая надежда за русскаго человѣка,

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни—

сказалъ самъ поэтъ по другому поводу, но эти слова его можно прямо примѣнить ко всей его національной творческой дѣятельности. И никогда еще ни одинъ русскій писатель, ни прежде, ни послѣ его, не соединялся такъ задушевно и родственно съ народомъ своимъ какъ Пушкинъ. О, у насъ есть много знатоковъ народа нашего между писателями, и такъ талантливо, такъ мѣтко и такъ любовно писавшихъ о народѣ, а между тѣмъ, если сравнить ихъ съ Пушкинымъ, то, право же, до сихъ поръ за однимъ, много что за двумя исключеніями изъ самыхъ позднѣйшихъ послѣдователей его, это лишь „господа“ о народѣ пишущіе. У самыхъ талантливыхъ изъ нихъ, даже вотъ у этихъ двухъ исключеній, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, нѣтъ—нѣтъ, а и промелькнетъ вдругъ нѣчто высокомѣрное, нѣчто изъ другаго быта и міра, нѣчто желающее поднять народъ до себя и осчастливить его этимъ поднятіемъ. Въ Пушкинѣ же есть именно что-то сроднившееся съ народомъ *вза-*

правду, доходящее въ немъ почти до какого-то простодушнѣйшаго умиленія. Возьмите сказаніе о Медвѣдѣ и о томъ, какъ убилъ мужикъ его боярыню-медвѣдицу, или припомните стихи:

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,

и вы поймете что я хочу сказать.

Всѣ эти сокровища искусства и художественнаго прозрѣнія оставлены нашимъ великимъ поэтомъ какъ бы въ видѣ указанія для будущихъ грядущихъ за нимъ художниковъ, для будущихъ работниковъ на этой же нивѣ. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и послѣдовавшихъ за нимъ талантовъ. По крайней мѣрѣ не проявились бы они въ такой силѣ и съ такою ясностью, несмотря даже на великія ихъ дарованія, въ какой удалось имъ выразиться въ послѣдствіи, уже въ наши дни. Но не въ поэзіи лишь одной дѣло, не въ художественномъ лишь творчествѣ: не было бы Пушкина, не опредѣлились бы можетъ быть съ такою непоколебимою силой (въ какой это явилось потомъ, хотя все еще не у всѣхъ, а у очень лишь немногихъ) наша вѣра въ нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народныя силы, а затѣмъ и вѣра въ грядущее самостоятельное назначеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ. Этотъ подвигъ Пушкина особенно выясняется если вникнуть въ то что я называю третьимъ періодомъ его художественной дѣятельности.

—

Еще и еще разъ повторю: эти періоды не имѣютъ такихъ твердыхъ границъ. Нѣкоторыя изъ произведеній даже этого третьяго періода могли, напримѣръ, явиться въ самомъ началѣ поэтической дѣятельности нашего поэта, ибо Пушкинъ былъ всегда цѣльнымъ, цѣлокупнымъ такъ-сказать организмомъ, носившимъ въ себѣ всѣ свои зачатки разомъ, внутри себя, не воспринимая ихъ извнѣ. Внѣшность только будила въ немъ то что было уже заключено во глубинѣ души его. Но организмъ этотъ развивался, и періоды этого развитія дѣйствительно можно обозначить и отмѣтить, въ каждомъ изъ нихъ, его особый характеръ и постепенность вырожденія одного періода изъ другаго. Такимъ образомъ къ третьему періоду можно отнести тотъ разрядъ его произведеній въ которыхъ преимущественно засіяли идеи всемірныя, отразились поэтическіе образы другихъ народовъ и воплотились ихъ геніи. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній явились уже послѣ смерти Пушкина. И въ этотъ-то періодъ своей дѣятельности нашъ поэтъ представляетъ собою нѣчто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигдѣ и ни у кого. Въ самомъ дѣлѣ, въ европейскихъ литературахъ были громадной величины художественные геніи—Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного изъ этихъ великихъ геніевъ который бы обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости какъ нашъ Пушкинъ. И эту-то способность, главнѣйшую способность нашей національности, онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ, главнѣйше, онъ и народный поэтъ. Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ такой силой геній чужаго, сосѣдняго можетъ быть съ ними народа, духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія, какъ могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обращаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощали ихъ

въ свою же національность понимали по своему. Даже у Шекспира, его италіянцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изо всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность. Вотъ сцены изъ *Фауста*, вотъ *Скупой Рыцарь* и баллада *Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный*. Перечтите *Донъ-Жуана*, и еслибы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали что это написалъ не испанецъ. Какіе глубокіе, фантастическіе образы въ поэмѣ: *Пиръ во время чумы!* Но въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ геній Англіи; эта чудесная пѣсня о чумѣ героя поэмы, эта пѣсня Мери со стихами:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,

это англійскія пѣсни, это тоска британскаго генія, его плачъ, его страдальческое предчувствіе своего грядущаго. Вспомните странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой—

Это почти буквальное переложеніе первыхъ трехъ страницъ изъ странной мистической книги, написанной въ прозѣ, одного древняго англійскаго религіознаго сектатора,—но развѣ это только переложеніе? Въ грустной и восторженной музыкѣ этихъ стиховъ чувствуется самая душа сѣвернаго протестантизма, англійскаго ересіарха, безбрежнаго мистика, съ его тупымъ, мрачнымъ и непреоборимымъ стремленіемъ и со всѣмъ безудержемъ мистическаго мечтанія. Читая эти странные стихи, вамъ какъ бы слышится духъ вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ становится этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма, понятна становится наконецъ самая исторія, и не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали съ ними въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ съ ними въ то во что они повѣрили. Кстати: вотъ рядомъ съ этимъ религіознымъ мистицизмомъ, религіозныя же строфы изъ корана или „Подражанія корану“: развѣ тутъ не мусульманинъ, развѣ это не самый духъ корана и мечъ его, простодушная величавость вѣры и грозная кровавая сила ея? А вотъ и древній міръ, вотъ *Египетскія Ночи*, вотъ эти земные боги сѣвшіе надъ народомъ своимъ богами, уже презирающіе геній народный и стремленія его, уже не вѣрящіе въ него болѣе, ставшіе впрямь уединенными богами и обезумѣвшіе въ отъединеніи своемъ, въ предсмертной скукѣ своей и тоскѣ тѣшащіе себя фантастическими звѣрствами, сладострастіемъ насѣкомыхъ, сладострастіемъ паучковой самки съѣдающей своего самца. Нѣтъ, положительно скажу, не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью какъ Пушкинъ, и не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, перевоплощеніи почти совершенномъ а потому и чудесномъ, потому что нигдѣ ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось. Это только у Пушкина, и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ явленіе невиданное и неслыханное, а по нашему, и пророческое, ибо... ибо тутъ-то и выразилась наиболѣе его національная русская сила, выразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности какъ не стремленіе

ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и ко всечеловѣчности? Ставъ вполнѣ народнымъ поэтомъ, Пушкинъ тотчасъ же, какъ только прикоснулся къ силѣ народной, такъ уже и предчувствуетъ великое грядущее назначеніе этой силы. Тутъ онъ угадчикъ, тутъ онъ пророкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое для насъ Петровская реформа, и не въ будущемъ только, а даже и въ томъ что уже было, произошло, что уже явилось во очію? Что означала для насъ эта реформа? Вѣдь не была же она только для насъ усвоеніемъ европейскихъ костюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской науки. Вникнемъ какъ дѣло было, поглядимъ пристальнѣе. Да, очень можетъ быть что Петръ первоначально только въ этомъ смыслѣ и началъ производить ее, т. е. въ смыслѣ ближайше-утилитарномъ, но въ послѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи имъ своей идеи, Петръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенному чутью, которое влекло его, въ его дѣлѣ, къ цѣлямъ будущимъ, несомнѣнно огромнѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайшій утилитаризмъ. Такъ точно и русскій народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу, а несомнѣнно уже ощутивъ своимъ предчувствіемъ почти тотчасъ же нѣкоторую дальнѣйшую, несравненно болѣе высшую цѣль чѣмъ ближайшій утилитаризмъ,—ощутивъ эту цѣль опять-таки конечно, повторяю это, безсознательно, но однакоже и непосредственно и вполнѣ жизненно. Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному воссоединенію, къ единенію всечеловѣческому! Мы не враждебно (какъ казалось должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовію приняли въ душу нашу геніи чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго перваго шагу различать, снимать противорѣчія, извинять и примирять различія, и тѣмъ уже выказали готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только-что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому воссоединенію со всѣми племенами великаго Арійскаго рода. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ можетъ быть и значитъ только (въ концѣ концовъ, это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ* если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящаго русскаго Европа и удѣлъ всего великаго Арійскаго племени такъ же дороги какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ воссоединенію людей. Если захотите вникнуть въ нашу исторію послѣ Петровской реформы, вы найдете уже слѣды и указанія этой мысли, этого мечтанія моего, если хотите, въ характерѣ общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ государственной политикѣ нашей. Ибо что дѣлала Россія во всѣ эти два вѣка въ своей политикѣ какъ не служила Европѣ можетъ быть гораздо болѣе чѣмъ себѣ самой? Не думаю чтобъ отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило. О, народы Европы и не знаютъ какъ они намъ дороги! И въ послѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, то-есть конечно не мы, а будущіе гря-

дущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовію всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ можетъ быть и изрѣчь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону! Знаю, слишкомъ знаю что слова мои могутъ показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь что ихъ высказалъ. Этому надлежало быть высказаннымъ, но особенно теперь, въ минуту торжества нашего, въ минуту чествованія нашего великаго генія, эту именно идею въ художественной силѣ своей воплощавшаго. Да и высказывалась уже эта мысль не разъ, я ничуть не новое говорю. Главное все это покажется самонадѣяннымъ: „это намъ-то дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой землѣ такой удѣлъ? Это намъ-то предназначено въ человѣчествѣ высказать новое слово?“ Что же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ что ко всемірному, ко всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское можетъ быть изо всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено, вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ геніи Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую, землю „въ рабскомъ видѣ исходилъ благословляя Христосъ“. Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго слова Его? Да и самъ онъ не въ яслях ли родился? Повторяю: по крайней мѣрѣ мы уже можемъ указать на Пушкина, на всемірность и всечеловѣчность его генія. Вѣдь могъ же онъ вмѣстить чужіе геніи въ душѣ своей какъ родные. Въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ, въ художественномъ творчествѣ, онъ проявилъ эту всемірность стремленія русскаго духа неоспоримо, а въ этомъ уже великое указаніе. Если наша мысль есть фантазія, то съ Пушкинымъ есть по крайней мѣрѣ на чемъ этой фантазіи основаться. Если бы жилъ онъ дольше, можетъ быть явилъ бы безсмертные и великіе образы души русской уже понятные нашимъ европейскимъ братьямъ, привлекъ бы ихъ къ намъ гораздо болѣе и ближе чѣмъ теперь, можетъ быть успѣлъ бы имъ разъяснить всю правду стремленій нашихъ, и они уже болѣе понимали бы насъ чѣмъ теперь, стали бы насъ предугадывать, перестали бы на насъ смотрѣть столь недовѣрчиво и высокомѣрно, какъ теперь еще смотрятъ. Жилъ бы Пушкинъ долѣе, такъ и между нами было бы можетъ быть менѣе недоразумѣній и споровъ чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Придирка къ случаю. Четыре лекціи на разныя темы по поводу одной лекціи, прочитанной мнѣ г. А. Градовскимъ. Съ обращеніемъ къ г. Градовскому.

I.

Объ одномъ самомъ основномъ дѣлѣ.

Я уже было заключилъ мой „Дневникъ“ ограничивъ его моей „Рѣчью“, произнесенною 8-го Іюня въ Москвѣ и предисловіемъ къ ней, которое я написалъ предчувствуя гамъ, дѣйствительно поднявшійся потомъ въ нашей прессѣ послѣ появленія моей „Рѣчи“ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Но прочтя вашу критику, г. Градовскій, я пріостановилъ печатаніе „Дневника“ чтобы прибавить къ нему и отвѣтъ на ваши нападки. О, предчувствія мои оправдались, гамъ поднялся страшный: И гордецъ-то я, и трусъ-то я, и Маниловъ, и поэтъ, и полицію надо бы привесть чтобъ сдерживать порывы публики,—полицію моральную, полицію либеральную конечно. Но почему же бы и не настоящую? И настоящая полиція вѣдь у насъ теперь либеральна, отнюдь не менѣе возопившихъ на меня либераловъ. Во истину не много не доставало до настоящей! Но оставимъ это пока, перейду прямо къ отвѣту вамъ на ваши пункты. Прямо признаюсь съ самаго начала, что лично нечего бы мнѣ съ вами ни дѣлить, ни толковать. Мнѣ съ вами столковаться нельзя; убѣждать или разубѣждать васъ стало быть я вовсе не имѣю въ виду. Читая и прежде иныя ваши статьи я конечно всегда удивлялся теченію мыслей. Итакъ почему же я вамъ теперь отвѣчаю? Единственно имѣя въ виду другихъ, которые насъ разсудятъ, т. е. читателей. Для этихъ другихъ и пишу. Я слышу, я предчувствую, вижу даже, что возникаютъ и идутъ новые элементы, жаждущіе новаго слова, истосковавшіеся отъ стараго либаральнаго подхихикиванія надъ всякимъ словомъ надежды на Россію, отъ стараго прежняго, либеральнаго-беззубаго скептицизма, отъ старыхъ мертвецовъ, которыхъ забыли похоронить и которые все еще считаютъ себя за молодое поколѣніе, отъ стараго либерала-руководителя и спасителя Россіи, который за все двадцатипятилѣтіе своего пребыванія у насъ обозначился, наконецъ, какъ „безъ толку кричащій на базарѣ человѣкъ“, по выраженію народному. Однимъ словомъ захотѣлось мнѣ *многое* высказать уже кромѣ отвѣта на замѣчанія ваши, такъ что я, отвѣчая теперь, какъ бы придрался лишь къ случаю.

Вы прежде всего задаетесь вопросомъ и даже упрекаете меня почему я не вывелъ яснѣе: откуда взялись наши „скитальцы“, о которыхъ я говорилъ въ моей „Рѣчи?“ Ну, это исторія длинная, нужно начинать слишкомъ издалека. Ктому же, что бы я вамъ на этотъ счетъ ни отвѣтилъ, вы все-таки не согласитесь, потому что у васъ уже предвзято и подготовлено ваше собственное рѣшеніе о томъ откуда они завелись и какъ завелись: „Отъ тоски дескать жить съ Сквозниками—Дмухановскими и отъ гражданской скорби

по неосвобожденнымъ еще тогда крестьянамъ". Выводъ достойный современнаго либеральнаго человѣка, вообще говоря, у котораго все, что касается до Россіи, давно уже рѣшено и подписано, съ необычайную, русскому либералу лишь свойственною легкостью. Тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ сложнѣе, чѣмъ вы думаете, гораздо, не смотря на столь окончательное рѣшеніе ваше. Объ „Сквозникахъ и объ скорби" скажу въ своемъ мѣстѣ, но прежде всего позвольте поднять одно прехарактерное ваше словцо, высказанное опять таки съ легкостію, уже доходящею почти до рѣзвости и которое я не могу обойти. Вы говорите:

«Такъ или иначе, но уже два столѣтія мы находимся подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія, дѣйствующаго на насъ чрезвычайно сильно, благодаря «всемірной отзывчивости» русскаго человѣка, признанную г. Достоевскимъ за нашу національную черту. Уйти отъ этого просвѣщенія намъ некуда, да и незачѣмъ. Это фактъ, противъ котораго намъ ничего нельзя сдѣлать, по той простой причинѣ, что всякій русскій человѣкъ, пожелавшій сдѣлаться просвѣщеннымъ, *непремѣнно* получитъ это просвѣщеніе изъ западно-европейскаго источника, за полнѣйшимъ отсутствіемъ источниковъ русскихъ».

Сказано конечно игриво; но вы произнесли и важное слово: „Просвѣщеніе". Позвольте же спросить что вы подъ нимъ разумѣете: науки запада, *полезныя знанія*, ремесла *или* просвѣщеніе духовное? Первое, т. е. науки и ремесла, дѣйствительно не должны насъ миновать и уходить намъ отъ нихъ дѣйлтвительно некуда, да и незачѣмъ. Согласенъ тоже вполнѣ что не откуда и долучить ихъ кромѣ какъ изъ западно-европейскихъ источниковъ, за что хвала Европѣ и благодарность наша ей вѣчная. Но вѣдь подъ просвѣщеніемъ я разумѣю (думою, что и никто не можетъ разумѣть иначе)—то, что буквально уже выражается съ самомъ словѣ „просвѣщеніе", т. е. свѣтъ духовный, озаряющій душу, просвѣщающій сердце, направляющій умъ и указывающій ему дорогу жизни. Если такъ, то позвольте вамъ замѣтить, что такое просвѣщеніе намъ нечего черпать изъ западно-европейскихъ источниковъ за полнѣйшимъ присутствіемъ (а не отсутствіемъ) источниковъ русскихъ. Вы удивляетесь? Видите ли: въ спорахъ я люблю начинать съ самой сути дѣла, съ самаго спорнаго пункта разомъ.

Я утверждаю, что нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и ученіе Его. Мнѣ скажутъ: онъ ученія Христа не знаетъ и проповѣдей ему не говорятъ,—но это возраженіе пустое: все знаетъ, все то что именно нужно знать, хотя и не выдержитъ экзамена изъ катихизиса. Научился же въ храмахъ, гдѣ вѣками слышалъ молитвы и гимны, которые лучше проповѣдей. Повторялъ, и самъ пѣлъ эти молитвы еще въ лѣсахъ, спасаясь отъ враговъ своихъ, въ Батыево нашествіе еще можетъ быть пѣлъ: „Господи силъ съ нами буди"! и тогда то можетъ быть и заучилъ этотъ гимнъ, потому что кромѣ Христа у него тогда ничего ни оставалось, а въ немъ, въ этомъ гимнѣ, уже въ одномъ *вся правда Христова*. И что въ томъ что народу мало читаютъ проповѣдей, а дьячки бормочатъ неразборчиво,—самое колосальное обвиненіе на нашу церковь, придуманное либералами, вмѣстѣ съ неудобствомъ церковно-славянскаго языка будто-бы непонятнаго простолюдину (А старообрядцы то? Господи!). Зато выйдетъ попъ и прочтетъ: „Господи Владыко живота моего"—а въ этой молитвѣ *вся суть христіанства*, весь его катехизисъ, а народъ знаетъ эту молитву наизустъ. Знаетъ тоже онъ наизустъ многія изъ житій

Святыхъ, пересказываетъ и слушаетъ ихъ съ умиленіемъ. Главная же школа Христіанства, которую прошелъ онъ— это вѣка безчисленныхъ и безконечныхъ страданій имъ вынесенныхъ въ свою исторію, когда онъ, оставленный всѣми, попранный всѣми, работающій на всѣхъ и на вся, оставался лишь съ однимъ Христомъ — утѣшителемъ, котораго и принялъ тогда въ свою душу на вѣки и который за то спасъ отъ отчаянія его душу! Впрочемъ что же я вамъ это все говорю? Неужто я васъ убѣдить хочу? Слова мои покажутся вамъ конечно младенческими, почти неприличными. Но повторяю въ третій разъ: не для васъ пишу. Да и тема эта важная, о ней надо особо и много еще сказать, и буду говорить пока держу перо въ рукахъ, а теперь выражу мою мысль лишь въ основномъ положеніи: Если нашъ народъ просвѣщенъ уже давно, принявъ въ свою суть Христа и его ученіе, то вмѣстѣ съ Нимъ, съ Христомъ, ужъ конечно принялъ и *истинное* просвѣщеніе. При такомъ основномъ запасѣ просвѣщенія, науки Запада конечно обратятся для него лишь въ истинное благодѣяніе. Христосъ не померкнетъ отъ нихъ у насъ какъ на Западѣ, гдѣ впрочемъ не отъ наукъ онъ померкъ, какъ утверждаютъ либералы же, а еще прежде наукъ, когда сама церковь западная исказила образъ Христовъ, преобразившись изъ церкви въ Римское государство и воплотивъ его вновь въ видѣ Папства. Да, на западѣ во истину уже нѣтъ Христіанства и церкви, хотя и много еще есть Христіанъ, да и никогда не исчезнутъ. Католичество во истину уже не Христіанство и переходитъ въ идолопоклонство, а протестантизмъ исполинскими шагами переходитъ въ атеизмъ и въ зыбкое, текущее, измѣнчивое (а не вѣковѣчное) нравоученіе.

О, конечно вы тотчасъ же возразите мнѣ, что Христіанство и поклоненіе Христу вовсе не заключаетъ въ себѣ и собою весь циклъ просвѣщенія, что это только лишь одна ступень, что нужны напротивъ науки, гражданскія идеи, развитіе, и пр. и пр. На это мнѣ нечего вамъ отвѣчать, да и неприлично, ибо хотя вы и правы отчасти, на счетъ наукъ напримѣръ, но за то никогда не согласитесь, что Христіанство народа нашего есть, *и должно остаться навсегда*, самою главною и жизненною основой просвѣщенія его! Я вотъ въ моей „Рѣчи“ сказалъ, что Татьяна, отказавшись идти за Онѣгинымъ, поступила по русски, по русской народной правдѣ, а одинъ изъ критиковъ моихъ, оскорбившись, что у русскаго народа есть правда, вдругъ возразилъ мнѣ вопросомъ: „А свальный грѣхъ?“ Такимъ критикамъ развѣ можно отвѣчать? Главное оскорблены тѣмъ, что русскій народъ можетъ имѣть свою правду, а стало быть дѣйствительно просвѣщенъ. Да развѣ свальный грѣхъ существуетъ въ цѣломъ народѣ нашемъ и существуетъ *какъ правда?* Принимаетъ ли его весь народъ за правду? Да, народъ нашъ грубъ, хотя и далеко не весь, о, не весь, въ этомъ я клянусь уже какъ свидѣтель, потому что я видѣлъ народъ нашъ и знаю его, жилъ съ нимъ довольно лѣтъ, ѣлъ съ нимъ, спалъ съ нимъ и самъ къ „злодѣямъ причтенъ былъ“, работалъ съ нимъ настоящей мозольной работой, въ то время когда другіе, „умывавшіе руки въ крови“, либеральничая и подхихикивая надъ народомъ, рѣшали на лекціяхъ и въ отдѣленіи журнальныхъ фельетоновъ, что народъ нашъ „образа звѣринаго и печати его“. Не говорите же мнѣ, что

я не знаю народа! Я его знаю: отъ него я принялъ вновь въ мою душу Христа, котораго узналъ въ родительскомъ домѣ еще ребенкомъ и котораго утратилъ было когда преобразился въ свою очередь въ „европейскаго либерала.“ Но пусть, пусть народъ нашъ грѣшенъ и грубъ, пусть звѣринъ еще его образъ: „Сынъ на матери ѣхалъ, молода жена на пристяжечкѣ“—съ чего нибудь да взялась эта пѣсня? Всѣ русскія пѣсни взяты съ какой нибудь были — замѣтили вы это? Но будьте же и справедливы хоть разъ, либеральные люди: вспомните что народъ вытерпѣлъ во столько вѣковъ! Вспомните кто въ звѣриномъ образѣ его виноватъ наиболѣе и не осуждайте! Вѣдь смѣшно осуждать мужика за то что онъ не причесанъ у французскаго парикмахера изъ Большой Морской, а вѣдь почти до этихъ именно обвиненій и доходитъ, когда подымутся на русскій народъ наши европейскіе либералы и примутся *отрицать* его: И личности-то онъ себѣ не выработалъ, и національности-то у него нѣтъ! Боже мой, а на Западѣ, гдѣ хотите и въ какомъ угодно народѣ, — развѣ меньше пьянства и воровства, не такое же развѣ звѣрство, и при этомъ ожесточеніе (чего нѣтъ въ нашемъ народѣ) и уже истинное, заправское невѣжество, настоящее непросвѣщеніе, потому что иной разъ соединено съ такимъ беззаконіемъ, которое уже не считается тамъ грѣхомъ, а именно стало считаться правдой, а не грѣхомъ. Но пусть, всетаки пусть въ нашемъ народѣ звѣрство и грѣхъ, но вотъ что въ немъ есть неоспоримо: это именно то, что онъ, въ своемъ цѣломъ по крайней мѣрѣ (и не въ идеалѣ только, а въ самой заправской дѣйствительности) никогда не принимаетъ, не приметъ и не захочетъ принять своего грѣха за правду! Онъ согрѣшитъ, но всегда скажетъ, рано ли поздно ли: я сдѣлалъ неправду. Если согрѣшившій не скажетъ, то другой за него скажетъ, и правда будетъ восполнена. Грѣхъ есть смрадъ и смрадъ пройдетъ когда возсіяетъ солнце вполнѣ. Грѣхъ есть дѣло преходящее, а Христосъ вѣчное. Народъ грѣшитъ и пакостится ежедневно, но въ лучшія минуты, во Христовы минуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибется. То именно и важно во что народъ вѣритъ какъ въ свою правду, въ чемъ ее полагаетъ, какъ ее представляетъ себѣ, что ставитъ своимъ лучшимъ желаніемъ, что возлюбилъ, чего проситъ у Бога, о чемъ молитвенно плачетъ. А идеалъ народа— Христосъ. А съ Христомъ конечно и просвѣщеніе, и въ высшія, роковыя минуты свои народъ нашъ всегда рѣшаетъ и рѣшалъ всякое общее, всенародное дѣло свое всегда по христіански. Вы скажете съ насмѣшкой: „плакать это мало, воздыхать тоже, надо и дѣлать, надо и быть“. А у васъ-то у самихъ, господа русскіе просвѣщенные европейцы, много праведниковъ? Укажите мнѣ вашихъ праведниковъ, которыхъ вы вмѣсто Христа ставите? Но знайте, что въ народѣ есть и праведники. Есть положительные характеры невообразимой красоты и силы, до которыхъ не коснулось еще наблюденіе ваше. Есть эти праведники и страдальцы за правду, — видимъ мы ихъ иль не видимъ? Не знаю; кому дано видѣть, тотъ конечно увидитъ ихъ и осмыслитъ, кто же видитъ лишь образъ звѣриный, тотъ конечно ничего не увидитъ. Но народъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что они есть у него, вѣритъ что они есть, крѣпокъ этою мыслью и уповаетъ, что они всегда въ нужную всеобщую минуту спасутъ его. И сколь-

ко разъ нашъ народъ спасалъ отечество? И еще недавно, засмердѣвъ въ грѣхѣ, въ пьянствѣ и въ безправіи онъ обрадовался духовно, весь съ своей цѣлокупности, послѣдней войнѣ за Христову вѣру, попранную у славянъ мусульманами. Онъ принялъ ее, онъ схватился за нее какъ за жертву очищенія своего за грѣхъ и безправіе, онъ посылалъ сыновей своихъ умирать за святое дѣло, и не кричалъ, что падаетъ рубль, и что цѣна на говядину стала дороже. Онъ жадно слушалъ, жадно разспрашивалъ и самъ читалъ о войнѣ и мы тому всѣ свидѣтели, много насъ есть тому свидѣтелей. Я знаю: подъемъ духа народа нашего въ послѣднюю войну, а тѣмъ болѣе причины этого подъема, не признаются либералами, смѣются они надъ этой идеей: „У этихъ дескать смердовъ собирательная идея, у нихъ гражданское чувство, политическая мысль — развѣ можно это позволить?“ И почему, почему нашъ европейскій либералъ такъ часто врагъ народа русскаго? Почему въ Европѣ, называющіе себя демократами всегда стоятъ за народъ, по крайней мѣрѣ на него опираются, а нашъ демократъ зачастую аристократъ и въ концѣ концовъ всегда почти служитъ въ руку всему тому, что подавляетъ народную силу, и кончаетъ господчиной. О, я вѣдь неутверждаю что они враги народа сознательно, но въ безсознательности-то и трагедія. Вы будете въ негодованіи отъ этихъ вопросовъ! Пусть. Для меня это все аксіомы и ужъ конечно я не перестану ихъ разъяснять и доказывать пока только буду писать и говорить.

Итакъ кончимъ: науки это такъ, а „просвѣщенія“ нечего намъ черпать изъ западно-европейскихъ источниковъ. А то пожалуй зачерпнемъ такія общественныя формулы какъ напримѣръ: Chacun pour soi et Dieu pour tous, или après moi le déluge. О, сейчасъ же закричатъ: „А у насъ нѣтъ такихъ поговорокъ, не говорятъ у насъ чтоли: „Старая хлѣбъ-соль не помнится“ и сотни другихъ афоризмовъ въ этомъ же родѣ? Да, поговорокъ въ народѣ много всякихъ: умъ народа широкъ, юморъ тоже, развивающееся сознаніе всегда подсказываетъ отрицаніе — но это все только *поговорки*, въ нравственную правду ихъ народъ нашъ не вѣритъ, надъ ними самъ шутитъ и смѣется, въ цѣломъ своемъ, по крайней мѣрѣ, ихъ отрицаетъ. А осмѣлитесь ли вы утверждать, что chacun pour soi et Dieu pour tous, есть только поговорка, а не общественная уже формула, всѣми принятая на западѣ и которой *всѣ* тамъ служатъ и въ нее вѣрятъ? По крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые стоятъ надъ народомъ, которые держатъ его въ уздѣ, которые обладаютъ землей и пролетаріемъ и стоятъ на стражѣ „европейскаго просвѣщенія“. Зачѣмъ же намъ такое просвѣщеніе? Поищемъ у себя инаго. Наука дѣло одно, а просвѣщеніе иное. Съ надеждой на народъ и на силы его можетъ и разовьемъ когда нибудь уже въ полнотѣ, въ полномъ сіяніи и блескѣ это Христово просвѣщеніе наше. Вы скажете мнѣ, разумѣется, что все это длинное разглагольствованіе не отвѣтъ однако же на нашу критику. Пусть. Я считаю самъ это лишь предисловіемъ, но только необходимымъ. Какъ и вы у меня, т. е. въ моей „Рѣчи“, отмѣчаете и находите такіе пункты разногласія съ нами, которые сами считаете самыми важными и важнѣйшими, такъ и я, прежде всего отмѣтилъ и выставилъ такой пунктъ у васъ, который считаю самымъ основнымъ разногласіемъ нашимъ, наиболѣе препятствующимъ намъ

придти къ соглашенію. Но предисловіе кончено, приступимъ къ вашей критикѣ и теперь уже безъ отступленій.

II.

Алеко и Держиморда. Страданія Алеко по крѣпостному мужику. Анекдоты.

Вы пишите критикуя мою „Рѣчь“:

«Но Пушкинъ, выводя Алеко и Онѣгина съ ихъ отрицаніемъ, не показалъ что именно «отрицали» они и было бы въ высшей степени рисковано утверждать что они отрицали именно «народную правду», коренныя начала русскаго міросозерцанія. Этого не видно нигдѣ».

Ну видно или не видно, рисковано или нѣтъ утверждать, — мы къ этому возвратимся сейчасъ, а прежде вотъ то что вы говорите о Дмухановскихъ, отъ которыхъ будто бы бѣжалъ Алеко къ цыганамъ:

«Но дѣйствительно, міръ тогдашнихъ скитальцевъ,—пишете вы—былъ міромъ, отрицавшимъ другой міръ. Для объясненія этихъ типовъ, необходимы другіе типы, которыхъ Пушкинъ не воспроизвелъ, хотя и обращался къ нимъ по временамъ съ жгучимъ негодованіемъ. Природа его таланта мѣшала ему спуститься въ этотъ мракъ и возвести въ «перлъ созданія» совъ, сычей и летучихъ мышей, наполнявшихъ подвальные этажи русскаго жилища (*не верхніе-ли?*). Это сдѣлалъ Гоголь — великая оборотная сторона Пушкина. Онъ повѣдалъ міру, отчего бѣжалъ къ цыганамъ Алеко, отчего скучалъ Онѣгинъ, отчего народились на свѣтъ «лишніе люди», увѣковѣченные Тургеневымъ. Коробочка, Собакевичи, Сквозники-Дмухановскіе, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины — вотъ тѣневая сторона Алеко, Бельтова, Рудина и многихъ иныхъ. Это фонъ, безъ котораго непонятны фигуры послѣднихъ. А вѣдь эти гоголевскіе герои были русскими—ухъ, какими русскими людьми! У Коробочки не было міровой скорби, Сквозникъ-Дмухановскій превосходно умѣлъ объясняться съ купцами, Собакевичъ насквозь видѣлъ своихъ крестьянъ и они насквозь видѣли его. Конечно Алеко и Рудины всего этого вполнѣ не видали и не понимали; они просто бѣжали куда кто могъ: Алеко къ цыганамъ, Рудинъ въ Парижъ, умирать за дѣло, для него совершенно постороннее».

Они *просто*, видите-ли, бѣжали. О фельетонная легкость рѣшенья! И какъ просто все это у васъ выходитъ, какъ все у васъ готово и предрѣшено! Подлинно готовыя слова говорите. Кстати, къ чему вы завели рѣчь о томъ, что всѣ эти гоголевскіе герои были русскими, — „ухъ какими русскими людьми!“ Къ спору нашему это вовсе и не подходитъ. Да и кто не знаетъ что они были русскіе люди? Да и Алеко и Онѣгинъ были русскіе, да и мы съ вами русскіе люди, да русскимъ же, вполнѣ русскимъ былъ и Рудинъ убѣжавшій въ Парижъ умирать за дѣло для него совершенно, будто бы, постороннее, какъ вы утверждаете. Да вѣдь именно потому то онъ и русскій въ высшей степени, что дѣло за которое онъ умиралъ въ Парижѣ ему вовсе было не столь постороннимъ,—какъ было бы англичанину или нѣмцу,—ибо дѣло европейское, міровое, всечеловѣческое, давно уже не постороннее русскому человѣку. Вѣдь это отличительная черта Рудина. Трагедія Рудина была собственно въ томъ, что онъ на своей нивѣ работы не нашелъ, и умеръ на другой нивѣ, но вовсе не столь чуждой ему, какъ вы утверждаете. Но вотъ въ чемъ однако же дѣло: всѣ эти Сквозники и Собакевичи хоть и русскіе люди, но русскіе люди испорченные, отъ почвы оторванные и хоть знающіе народный бытъ съ одной стороны, но ничего не знающіе съ другой, даже не подозрѣвающіе что она существуетъ, другая-то эта сторона,—въ этомъ все и дѣло. Души народной, того чего народъ жаждетъ, чего молитвенно проситъ они и не подозрѣвали, потому что страшно презирали народъ. Да и душу то они въ немъ отрицали даже, кромѣ развѣ ревизской. „Собакевичъ насквозь видѣлъ своихъ крестьянъ“, утверждаете вы. Это невозможно. Собакевичъ видѣлъ въ своемъ Прошкѣ толь-

ко силищу, которую можно продать Чичикову. Вы утверждаете, что Сквозникъ-Дмухановскій превосходно умѣлъ объясняться съ купцами. „Помилосердуйте! Да перечтите сами монологъ городничаго къ купцамъ въ пятомъ актѣ: такъ говорятъ развѣ только съ собаками, а не съ людьми, это-ли значитъ „превосходно“ говорить съ русскимъ человѣкомъ? Неужто вы хвалите? Да лучше бы прямо по зубамъ или за волосы. Въ дѣтствѣ моемъ я видѣлъ разъ на большой дорогѣ фельдъегеря, въ мундирѣ съ фалдочками, въ трехъуголкѣ съ перомъ, страшно тузившаго въ загорбокъ ямщика кулакомъ на всемъ лету, а тотъ изступленно стегалъ свою запаренную, скачущую во весь опоръ тройку. Этотъ фельдъегерь былъ разумѣется по рожденію русскій, но до того ослѣпшій и оторвавшійся отъ народа, что не могъ иначе и объясняться съ русскимъ человѣкомъ какъ своимъ огромнымъ кулачищемъ вмѣсто всякаго разговора. А между тѣмъ вѣдь онъ всю жизнь свою провелъ съ ямщиками и съ разнымъ русскимъ народомъ. Но фалдочки его мундира, шляпа съ перомъ, его офицерскій чинъ, его вычищенные петербургскіе сапоги ему были дороже, душевно и духовно, не только русскаго мужика, но можетъ быть и всей Россіи, которую онъ искрестилъ всю взадъ и впередъ и въ которой онъ, по всей вѣроятности, ровно ничего не нашелъ примѣчательнаго и достойнаго чего-нибудь инаго кромѣ какъ его кулака или шинка вычищеннымъ его сапогомъ. Ему вся Россія представлялась лишь въ его начальствѣ, а все что кромѣ начальства почти недостойно было существовать. Какъ такой можетъ понимать суть народа и душу его! Это былъ хоть и русскій, но уже и „европейскій“ русскій, только начавшій свой европеизмъ не съ просвѣщенія, а съ разврата, какъ и многіе, чрезвычайно многіе начинали. Да-съ, этотъ развратъ не разъ принимался у насъ за самый вѣрный способъ передѣлать русскихъ людей въ европейцевъ. Вѣдь сынъ такого фельдъегеря будетъ можетъ быть профессоромъ, т. е. патентованнымъ ужь европейцемъ. Итакъ не говорите о пониманіи ими сути народной. Нужно было Пушкина, Хомяковыхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ чтобъ начать толковать объ настоящей сути народной (До нихъ хоть и толковали объ ней, но какъ-то классически и театрально). И когда они начали толковать объ „народной правдѣ“, всѣ смотрѣли на нихъ какъ на эпилептиковъ и идіотовъ, имѣющихъ въ идеалѣ—„ѣсть рѣдьку и писать донесенія“. Да, донесенія! Они до того всѣхъ удивили на первыхъ порахъ своимъ появленіемъ и своими мнѣніями, что либералы начали даже сомнѣваться: не хотятъ ли де они писать на нихъ донесенія? Рѣшите сами: далеко или нѣтъ отъ этого глупенькаго взгляда на славянофиловъ ушли многіе современные либералы?

Но къ дѣлу. Вы утверждаете что Алеко убѣжалъ къ цыганамъ отъ Держиморды. Положимъ что это правда. Но хуже всего то, что вы то сами, г. Градовскій, вполнѣ убѣжденно признаете права Алеко на всю таковую брезгливость его: „Не могъ дескать не убѣжать къ цыганамъ, ибо ужъ слишкомъ гадокъ былъ Держиморда“. А я утверждаю, что Алеко и Онѣгинъ были тоже въ своемъ родѣ Держиморды, и даже въ иномъ отношеніи и похуже. Только съ тою разницею, что я не обвиняю ихъ за это вовсе, вполнѣ признавая трагичность судьбы ихъ, а вы ихъ хвалите за то что они

убѣжали: „Дескать такіе великіе и интересные люди могли ли ужиться съ такими уродами?“ Вы ужасно ошибаетесь. Вы вотъ сами выводите, что Алеко и Онѣгинъ вовсе не отрывались отъ почвы и вовсе не отрицали народную правду. Мало того: „вовсе де они и не горды были“ — вотъ что вы даже утверждаете. Да тутъ гордость прямое, логическое и неминуемое послѣдствіе ихъ отвлеченности и оторванности отъ почвы. Вѣдь не можете же вы отрицать что они почвы не не знали, росли и воспитывались по институтски, Россію узнавали въ Петербургѣ на службѣ, съ народомъ были въ отношеніяхъ барина къ крѣпостному. Пусть они даже и жили въ деревнѣ съ мужикомъ. Мой фельдъегерь всю жизнь съ ямщиками знался, и ничего другаго не призналъ въ нихъ кромѣ достойнаго своего кулачища. Алеко и Онѣгинъ къ Россіи были высокомѣрны и нетерпѣливы, какъ всѣ люди живущіе отъ народа отдѣльной кучкой на всемъ на готовомъ, т. е. *на мужичьемъ трудѣ и на европейскомъ* просвѣщеніи, тоже имъ даромъ доставшемся. Именно тѣмъ, что всѣ интелигентные люди наши, извѣстной исторической подготовкой, чуть не во всѣ два вѣка нашей исторіи, обратились лишь въ праздныхъ бѣлоручекъ,—тѣмъ и объясняется ихъ отвлеченность и оторванность отъ родной почвы. Не Держимордой онъ погибъ, а тѣмъ что не умѣлъ объяснить себѣ Держиморду и происхожденіе его. Слишкомъ для этого гордъ былъ. Не умѣвъ же объяснить не нашелъ возможности и работать на родной нивѣ. Тѣхъ же которые вѣрили въ эту возможность, считалъ за глупцовъ или тоже за Держиморъ. И не только передъ Держиморъ былъ гордъ нашъ скиталецъ, но и передъ всей Россіей, ибо Россія, по его окончательному выводу, содержала въ себѣ только рабовъ да Держиморъ. Если же заключала что нибудь въ себѣ поблагороднѣе, то это ихъ, Алекъ и Онѣгиныхъ, а болѣе ничего. Послѣ этого гордость приходитъ уже сама собой: пребывая въ отвлеченіи они естественно начинали удивляться своему благородству и высотѣ своей надъ гадкими Держиморъ въ которыхъ не умѣли ничего объяснить. Еслибъ не были они горды, то увидали бы что и сами они Держиморды, и прозрѣвъ это, можетъ быть нашли бы тогда, именно въ этомъ прозрѣніи и исходъ къ примиренію. Къ народу же чувствовали уже не столько гордость, сколько омерзѣніе, и это *сплошь*. Вы *всему* этому не повѣрите, вы напротивъ говоря, что иныя черты Алекъ и Онѣгиныхъ дѣйствительно не приглядны, высокомѣрно начинаете журить меня за узость взгляда, за то что „лечить симптомы и оставлять корень болѣзни едва ли разсудительно“. Вы утверждаете, что я, говоря: „Смирись гордый человѣкъ“— обвиняю Алеко лишь въ личныхъ его качествахъ, упуская корень дѣла „какъ будто дескать вся суть дѣла лишь въ личныхъ качествахъ гордящихся и не желающихъ смириться“. „Не рѣшонъ вопросъ, говорите вы, передъ чѣмъ гордились скитальцы: остается безъ отвѣта и другой передъ чѣмъ слѣдуетъ смириться“. Все это съ вашей стороны очень ужъ высокомѣрно: я кажется прямо вѣдь вывелъ, что „скитальцы“ продуктъ историческаго хода нашего общества, стало быть не сваливаю же всю вину на нихъ только однихъ *лично* и на ихъ *личныя* качества. Вы это у меня читали, этб написано, напечатано, стало быть зачѣмъ же вы искажаете? Выписывая

у меня тираду: „Смирись“ вы пишете:

«Въ этихъ словахъ г. Достоевскій выразилъ «святая святыхъ» своихъ убѣжденій, то что составляетъ одновременно силу и слабость автора «Братьевъ Карамазовыхъ». Въ этихъ словахъ заключенъ великій *религіозный* идеалъ, мощная проповѣдь *личной* нравственности, но нѣтъ и намека на идеалы *общественные*».

А затѣмъ послѣ сихъ словъ тотчасъ же начинаете критиковать идею „личнаго совершенствованія въ духѣ христіанской любви“. Къ вашему мнѣнію о „личномъ самосовершенствованіи“ я перейду сейчасъ, но прежде выверну передъ вами всю вашу подкладку, которую вы кажется хотѣли бы скрыть, именно: Вы не за то только что я обвиняю „скитальца“ на меня ужъ такъ разсердились, а за то что я, напротивъ не признаю его за идеалъ нравственнаго совершенства, за русскаго здороваго человѣка, какимъ только онъ можетъ и долженъ быть? Признавая что въ Алеко и Онѣгинѣ есть „неприглядныя черты“ вы только хитрите. На вашъ внутренній взглядъ, который вы почему то не хотите обнаружить вполнѣ, „скитальцы“ — нормальны и прекрасны, прекрасны уже тѣмъ что убѣжали отъ Держиморд. Вы съ негодованіемъ смотрите если осмѣлятся въ нихъ признать хоть даже какой нибудь недостатокъ. Вы говорите уже прямо: „Было бы нелѣпо утверждать, что они погибали отъ своей гордости и не хотѣли смириться передъ народной правдой“. Вы наконецъ съ жаромъ утверждаете и настаиваете, что это они освобождали крестьянъ. Вы пишете:

«Скажемъ больше: если въ душѣ лучшихъ изъ этихъ «скитальцевъ первой половины нашего столѣтія и сохранялся какой нибудь помыселъ, то это именно былъ помыселъ о народѣ, самая жгучая изъ ихъ ненавистей была обращена именно къ рабству, тяготѣвшему надъ народомъ. Пусть они любили народъ и ненавидѣли крѣпостное право по своему по „европейски“ что ли. Но кто же какъ не они подготовили общество ваше къ упраздненію крѣпостнаго права? Чѣмъ могли и они послужили «родной нивѣ» сначала въ качествѣ проповѣдниковъ освобожденія, а потомъ въ качествѣ мировыхъ посредниковъ первой очереди».

То то вотъ и есть что „скитальцы“ ненавидѣли крѣпостное право „по своему, по европейски“, въ томъ то и вся сила. То то вотъ и есть, что ненавидѣли они крѣпостное право не ради русскаго мужика, на нихъ работавшаго, ихъ питавшаго, а стало быть ими же въ числѣ другихъ и угнетеннаго. Кто мѣшалъ имъ, если ужъ до того ихъ одолѣвала гражданская скорбь что къ цыганамъ приходилось бѣжать, али на баррикады въ Парижъ,—кто мѣшалъ имъ просто за просто освободить хоть своихъ крестьянъ съ землей и снять такимъ образомъ гражданскую скорбь по крайней мѣрѣ хотя съ своей то личной отвѣтственности? Но объ такихъ освобожденіяхъ что-то мало у насъ было слышно, а гражданскихъ воплей раздавалось довольно. „Среда дескать заѣдала, и какже де ему своего капиталу лишиться?“ Да почему же не лишиться когда ужъ до такой степени дѣло доходило отъ скорби по крестьянамъ, что на баррикады бѣжать приходилось? То то вотъ и есть, что въ „мѣстечкѣ Парижѣ-съ“ всетаки надобны деньги, хотя бы и на баррикадахъ участвуя, такъ вотъ крѣпостные то и присылали оброкъ. Дѣлали и еще проще: закладывали, продавали, или обмѣнивали (не все ли равно?) крестьянъ и осуществивъ денежки уѣзжали въ Парижъ способствовать изданію французскихъ радикальныхъ газетъ и журналовъ для спасенія уже всего человѣчества, не только русскаго мужика. Вы увѣряете, что ихъ всѣхъ заѣдала скорбь объ крѣпостномъ мужикѣ? Не то чтобъ о крѣпостномъ мужикѣ, а вообще от-

влеченная скорбь о рабствѣ въ человѣчествѣ: „Не надо де ему быть, это непросвѣщенно, Liberté дескать, Egalité et Fraternité“. Что же до русскаго мужика лично, то можетъ быть скорбь по немъ даже и вовсе не томила этихъ великихъ сердецъ такъ ужасно. Я знаю и запомнилъ множество интимныхъ изрѣченій даже весьма и весьма „просвѣщенныхъ“ людей прежняго добраго стараго времени. „Рабство безъ сомнѣнія ужасное зло, соглашались они интимно между собой, но если уже все взять, то нашъ народъ — развѣ это народъ? Ну похожъ онъ на парижскій народъ девяносто третьяго года? Да онъ ужъ свыкся съ рабствомъ, его лицо, его фигура уже изображаетъ собою раба, и, если хотите розга, напримѣръ, конечно ужасная мерзость, говоря вообще, но для русскаго человѣка ей Богу розочка еще необходима: „Русскаго мужичка надо посѣчь, русскій мужичокъ стоскуется если его не посѣчь, ужъ такая де нація“, — вотъ что я слыхивалъ въ свое время клянусь отъ весьма даже просвѣщенныхъ людей. Это „трезвая правда-съ“. Онѣгинъ можетъ быть и не сѣкъ своихъ дворовыхъ, хотя право трудно это рѣшить, ну, а Алеко, я увѣренъ что посѣкалъ, — и не отъ жестокости вѣдь сердца, а почти даже изъ жалости, почти для доброй цѣли: „Вѣдь это де для него необходимо, вѣдь безъ розочки онъ не проживетъ, самъ вѣдь онъ приходитъ и проситъ: посѣки меня, баринъ, сдѣлай человѣкомъ, сбаловался совсѣмъ? Чтожъ дѣлать съ такою природою, скажите пожалуста, ну и удовлетворишь его, посѣчешь! „Повторяю, чувство къ мужику въ нихъ доходило зачастую до гадливости. А сколько презрительныхъ анекдотовъ ходило между нихъ о русскомъ мужикѣ, презрительныхъ и пахабныхъ, объ его рабской душѣ, объ его „идолопоклонствѣ“, объ его попѣ, объ его бабѣ, и говорили все это съ самымъ легкимъ сердцемъ такіе иногда люди, у которыхъ ихъ собственная семейная жизнь изображала собою нерѣдко почти домъ терпимости, — о, разумѣется не всегда отъ худаго чего нибудь, а иногда именно лишь отъ излишняго жару къ воспріятію послѣднихъ европейскихъ идей, а la Лукреція Флоріани, напримѣръ, по нашему понятыхъ и усвоенныхъ со всею русской стремительностью. Русскіе люди были во всемъ-съ! О русскіе скорбящіе скитальцы бывали иногда большими плутами, г. Градовскій, и вотъ именно эти самые анекдотики о русскомъ мужикѣ и презрительное мнѣніе о немъ, почти всегда утоляли въ сердцахъ ихъ остроту гражданской ихъ скорби по крѣпостному праву, придавая ей такимъ образомъ лишь отвлеченно-міровой характеръ. А вѣдь съ отвлеченно-міровымъ характеромъ скорби весьма и весьма можно ужиться, питаясь духовно созерцаніемъ своей нравственной красоты и полета своей гражданской мысли, ну а тѣлесно все-таки питаясь оброкомъ съ тѣхъ же крестьянъ, да еще какъ питаясь то! Да чего, вотъ недавно еще одинъ старожилъ, наблюдатель того времени, привелъ анекдотъ въ журналѣ объ одной встрѣчѣ самыхъ сильнѣйшихъ русскихъ тогдашнихъ либеральныхъ и міровыхъ умовъ съ русской бабой. Тутъ уже были отъявленные скитальцы, такъ сказать уже патентованные, заявившіе въ этомъ смыслѣ себя исторически. Лѣтомъ, видите ли, именно въ сорокъ пятомъ году, на прекрасную подмосковную дачу, гдѣ давались „колоссальные обѣды“ по замѣчанію самаго старожила, съѣхалось разъ

множество гостей: гуманнѣйшіе профессора, удивительнѣйшіе любители и знатоки изящныхъ искуствъ и кой чего прочаго, славнѣйшіе демократы, а впослѣдствіи знатные политическіе дѣятели уже міроваго даже значенія, критики, писатели, прелестнѣйшія по развитію дамы. И вдругъ вся компанія, вѣроятно послѣ обѣда съ шампанскимъ, съ кулебяками и съ птичьимъ молокомъ, (съ чего же нибудь да названы же обѣды „колоссальными“) направилась погулять въ поле. Въ глуши, во ржи, встрѣчаютъ жницу. Лѣтняя страда извѣстна: встаютъ мужики и бабы въ четыре часа и идутъ хлѣбъ убирать, работаютъ до ночи. Жать очень трудно, всѣ двѣнадцать часовъ нагнувшись, солнце жжетъ. Жница какъ заберется обыкновенно въ рожь, то ее и не видно. И вотъ тутъ то, во ржи, и находитъ наша компанія жницу,— представьте себѣ въ „примитивномъ костюмѣ“ (въ рубашкѣ?!) Это ужасно! мировое, гуманное чувство возбуждено, тотчасъ раздался оскорбленный голосъ: „Одна только русская женщина изъ всѣхъ женщихъ ни передъ кѣмъ не стыдится!“ ну, разумѣется тотчасъ и выводъ: „Одна русская женщина изъ всѣхъ такая передъ которой никто и ни за что не стыдится“ (т. е. такъ и не должно стыдиться что ли?) Завязался споръ. Явились и защитники бабы, но какіе защитники, и съ какими возраженіями имъ пришлось бороться! И вотъ такія то мнѣнія и рѣшенія могли раздаваться въ толпѣ скитальцевъ-помѣщиковъ, упившихся шампанскимъ, наглотавшихся устрицъ,—а на чьи деньги? Да вѣдь на ея же работу! Вѣдь на васъ же она, міровые страдальцы, работаетъ, вѣдь на ея же трудъ вы наѣлись. Что во ржи, гдѣ ее не видно, мучимая солнцемъ и потомъ, сняла паневу и осталась въ одной рубашкѣ—такъ она и безстыдна, такъ ужъ и оскорбила ваше стыдливое чувство: „изъ всѣхъ дескать женщинъ всѣхъ безстыднѣе“,—ахъ вы цѣломудренники! А „Парижскія то увеселенія“ ваши, а рѣзвости въ „мѣстечкѣ Парижѣ-съ“, а канканчикъ въ Баль-Мабилѣ, отъ котораго русскіе люди таяли даже когда только разсказывали о немъ, а миленькая пѣсенка:

«Ma commère quand je danse
«Comment va mon cotillon?

Съ граціознымъ приподнятіемъ юбочки и съ подергиваніемъ задкомъ,—это нашихъ русскихъ цѣломудренниковъ не возмущаетъ, напротивъ прельщаетъ? „Помилуйте, да вѣдь это у нихъ такъ граціозно, этотъ канканчикъ, эти подергиванія, — это вѣдь изящнѣйшій article de Paris въ своемъ родѣ, а вѣдь тутъ что, тутъ баба, русская баба, обрубокъ, колода!“ Нѣтъ-съ, тутъ ужь даже не убѣжденіе въ мерзости нашего мужика и народа, тутъ ужь въ чувство перешло, тутъ ужь личное чувство гадливости къ мужику сказалось,— о конечно невольное, почти безсознательное, совсѣмъ даже не замѣченное съ ихъ стороны. Признаюсь, совсѣмъ даже не могу согласиться съ столь капитальнымъ положеніемъ вашимъ, г. Градовскій: „Кто жъ какъ не они подготовили общество наше къ упраздненію крѣпостнаго права?“ Отвлеченной болтовней развѣ послужили, источая гражданскую скорбь по всѣмъ правиламъ,—о конечно все въ общую экономію пошло и къ дѣлу пригодилось. Но способствовали освобожденію крестьянъ и помогали трудящимся по освобожденію скорѣе такого склада люди какъ напримѣръ Самаринъ, а не ваши скитальцы. Такого типа людей какъ

Самаринъ, типа уже совершенно не похожаго на скитальцевъ, явилось на великую тогдашнюю работу вѣдь очень не мало, г. Градовскій, а объ нихъ вы конечно ни слова. Скитальцамъ же это дѣло, по всѣмъ признакамъ, очень скоро наскучило и они опять стали брезгливо будировать. Не скитальцы бы они были если бы поступили иначе. Получивъ выкупныя стали остальныя земли и лѣса свои продавать купцамъ и кулакамъ на срубъ и на истребленіе, и выселяясь за границу завели абсентеизмъ... Вы конечно съ моимъ мнѣніемъ не согласитесь, г. профессоръ, но вѣдь что же и мнѣ-то дѣлать: никакъ не могу вѣдь и я согласиться признать этотъ образъ столь дорогого вамъ русскаго высшаго и либеральнаго человѣка за идеалъ настоящаго нормальнаго русскаго человѣка, какимъ будто бы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, есть теперь и долженъ быть даже въ будущемъ. Не много путнаго сдѣлали эти люди въ послѣднія десятилѣтія на родной нивѣ. Это будетъ повѣрнѣе чѣмъ вашъ дифирамбъ во славу этихъ прошлыхъ господъ.

III.

Двѣ половинки.

А теперь перейду къ вашимъ взглядамъ на „личное самосовершенствованіе въ духѣ христіанской любви“ и на совершенную, будто бы, недостаточность его сравнительно съ „идеалами общественными и, главное, съ „общественными учрежденіями“. О, вы сами начинаете съ того что это самый важный пунктъ въ нашемъ разномысліи. Вы пишете:

«Теперь мы дошли до самого важнаго пункта въ нашемъ разномысліи съ г. Достоевскимъ. Требуя смиренія предъ народною правдой, предъ народными идеалами, онъ принимаетъ эту «правду» и эти идеалы, какъ нѣчто готовое, незыблемое и вѣковѣчное. Мы позволимъ себѣ сказать ему—нѣтъ! *Общественные* идеалы нашего народа находятся еще въ процессѣ *образованія, развитія*. Ему еще много надо работать надъ собою, чтобъ сдѣлаться достойнымъ имени великаго народа».

Я уже отвѣчалъ вамъ отчасти на счетъ „правды“ и идеаловъ народныхъ въ началѣ статьи, въ первомъ отдѣленіи ея. Эту правду и эти идеалы народные вы находите прямо недостаточными для развитія общественныхъ идеаловъ Россіи. Религія, дескать, одно, а общественное дѣло другое. Живой, цѣлокупный организмъ рѣжете вашимъ ученымъ ножомъ на двѣ отдѣльныя половинки и утверждаете что эти двѣ половинки должны быть совершенно независимы одна отъ другой. Посмотримъ же ближе, разберемъ эти обѣ половинки отдѣльно каждую, и можетъ быть что нибудь выведемъ. Разберемъ сначала половинку о „самосовершенствованіи въ духѣ христіанской любви. „Вы пишете“:

«Г. Достоевскій призываетъ работать надъ собой и смирить себя. Личное самосовершенствованіе въ духѣ Христіанской любви есть, конечно, первая предпосылка для всякой дѣятельности, *большой или малой. Но изъ этого не слѣдуетъ*, чтобъ люди, *лично совершенные въ Христіанскомъ смыслѣ*, непремѣнно образовали совершенное общество (?!). Позволимъ себѣ привести примѣръ.

«Апостолъ Павелъ поучалъ рабовъ и господъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. И тѣ и другіе могли послушать и обыкновенно слушали слово апостола, они *лично были* хорошими *Христіанами, но рабство* чрезъ то не освящалось и оставалось учрежденіемъ безнравственнымъ. Точно также г. Достоевскій, а равно и каждый изъ насъ, зналъ превосходныхъ Христіанъ—помѣщиковъ и таковыхъ же крестьянъ. Но *крѣпостное право* оставалось мерзостью предъ Господомъ и русскій Царь *Освободитель явился* выразителемъ требованій не только *личной*, но и *общественной* нравственности, о которой въ старое время не было надлежащихъ понятій, не смотря на то, что «хорошихъ людей» было, можетъ быть, не меньше, чѣмъ теперь.

«Личная и общественная нравственность не одно и тоже. Отсюда слѣдуетъ что ни какое *общественное* совершенствованіе не можетъ быть достигнуто *только* чрезъ улуч-

шеніе личныхъ качествъ людей, его составляющихъ. Приведемъ опять примѣръ. Предположимъ, что, начиная съ 1800 года, рядъ проповѣдниковъ христіанской любви и смиренія принялся бы улучшать нравственность Коробочекъ и Собакевичей. Можно ли предположить, чтобъ они достигли отмѣны крѣпостнаго права, чтобъ не нужно было *властнаго* слова для устраненія этого «явленія?» Напротивъ, Коробочка стала бы доказывать, что она истинная Христіанка и настоящая «мать» своихъ крестьянъ, и пребыла бы въ этомъ убѣжденіи, не смотря на всѣ доводы проповѣдника...

«Улучшеніе людей въ смыслѣ *общественномъ* не можетъ быть произведено только работой «надъ собой» и «смиреніемъ себя». Работать надъ собой и смирять свои страсти можно и въ пустынѣ и на необитаемомъ островѣ. Но, какъ существа *общественныя*, люди развиваются и улучшаются въ работѣ *другъ подлѣ друга, другъ для друга* и *другъ съ другомъ*. Вотъ почему въ весьма великой степени общественное совершенство людей зависитъ отъ совершества *общественныхъ учрежденій*, воспитывающихъ въ человѣкѣ если не Христіанскія, то гражданскія доблести».

Видите сколько я изъ васъ выписалъ! Все это ужасно высокомѣрно и страшно досталось „личному самосовершенствованію въ духѣ Христіанской любви“: въ гражданскихъ, дескать, дѣлахъ почти ни къ чему непригодно. Курьезно вы однакоже понимаете Христіанство! Представить только что Коробочка и Собакевичъ стали настоящими Христіанами, уже *совершенными* (вы сами говорите о совершенствѣ)—можно ли де ихъ убѣдить тогда отказаться отъ крѣпостнаго права? Вотъ коварный вопросъ, который вы задаете и, разумѣется, отвѣчаете на него: „нѣтъ, нельзя убѣдить Коробочку даже и совершенную Христіанку“. На это прямо отвѣчу: еслибъ только Коробочка стала и могла стать *настоящей*, совершенной уже Христіанкой, то крѣпостнаго права въ ея помѣстьи уже не существовало бы вовсе, такъ что и хлопотать бы не о чемъ было, не смотря на то, что всѣ крѣпостные акты и купчія оставались бы у ней по прежнему въ сундукѣ. Позвольте еще: вѣдь Коробочка и прежде была Христіанкой, и родилась таковою? Стало быть, говоря о новыхъ проповѣдникахъ Христіанства, вы разумѣете хоть и прежнее по сути своей Христіанство, но усиленное, *совершенное*, такъ сказать уже дошедшее до своего идеала? Ну какія же тогда рабы и какіе же господа, помилуйте! Надо же понимать хоть сколько нибудь Христіанство! И какое дѣло тогда Коробочкѣ, *совершенной* уже Христіанкѣ, крѣпостные или некрѣпостные ея крестьяне? Она имъ „мать“, настоящая уже мать, и „мать“ тотчасъ же бы упразднила прежнюю „барыню“. Это само собою бы случилось. Прежняя барыня и прежній рабъ изчезли бы какъ туманъ отъ солнца и явились бы совсѣмъ новые люди, совсѣмъ въ новыхъ между собою отношеніяхъ, прежде неслыханныхъ. Да и дѣло то совершилось бы неслыханное: явились бы *повсемѣстно* совершенные Христіане, которыхъ и въ единицахъ то прежде было такъ мало, что и разглядѣть трудно было. Вѣдь вы сами же сдѣлали такое фантастическое предположеніе г. Градовскій, вѣдь вы сами же въѣхали въ такую удивительную фантазію, а въѣхали такъ и принимайте послѣдствія. Увѣряю васъ, г. Градовскій, что крестьяне Коробочки сами-бы тогда не пошли отъ нея, по той простой причинѣ что всякъ ищетъ гдѣ ему лучше. Въ учрежденіяхъ, что ли, вашихъ было бы ему лучше чѣмъ у любящей ихъ, родной уже матери помѣщицы? Смѣю увѣрить васъ тоже, что если при апостолѣ Павлѣ сохранялось рабство, то это именно потому что возникавшія тогдашнія церкви еще не были *совершенны* (что видимъ и изъ посланій апостола). Тѣже члены церквей, которые лично достигали тогда со-

вершенства, уже не имѣли и не могли имѣть рабовъ, потому что таковые обращались въ братьевъ, а братъ, во истину братъ, не можетъ имѣть своего брата у себя рабомъ. По вашему же какъ бы выходитъ что проповѣдь Христіанства была безсильна. Вы вотъ по крайней мѣрѣ пишете что проповѣдью апостола рабство не освящалось. А вѣдь другіе ученые, особенно историки европейскіе, во множествѣ укоряли Христіанство за то, что оно, будто бы, освящаетъ рабство. Это значитъ не понимать сути дѣла. Предположить только что у Маріи Египетской есть крѣпостные крестьяне и что она не хочетъ ихъ отпустить на волю. Что за абсурдъ! Въ Христіанствѣ, въ настоящемъ Христіанствѣ, есть и будутъ господа и слуги, но раба невозможно и помыслить. Я говорю про настоящее, совершенное Христіанство. Слуги же не рабы. Ученикъ Тимофей прислуживалъ Павлу когда они ходили вмѣстѣ, но прочтите посланія Павла къ Тимофею: къ рабу ли онъ пишетъ, даже къ слугѣ-ли, помилуйте! Да это именно „Чадо Тимофее“ возлюбленный сынъ его. Вотъ, вотъ именно такія будутъ отношенія господъ къ своимъ слугамъ если тѣ и другіе станутъ уже совершенными Христіанами! Слуги и господа будутъ, но господа уже будутъ не господами, а слуги не рабами. Представьте что въ будущемъ обществѣ есть Кеплеръ, Кантъ и Шекспиръ: они работаютъ великую работу для всѣхъ и всѣ сознаютъ и чтутъ ихъ. Но некогда Шекспиру отрываться отъ работы, убирать около себя, вычищать комнату, выносить ненужное. И повѣрьте, непремѣнно придетъ къ нему служить другой гражданинъ, самъ пожелаетъ, своей волей придетъ и будетъ выносить у Шекспира ненужное. Чтожъ онъ будетъ униженъ, рабъ? Отнюдь нѣтъ. Онъ знаетъ, что Шекспиръ полезнѣе его безконечно: „Честь тебѣ и слава, скажетъ онъ ему, и я радъ послужить тебѣ; хоть каплей и я послужу тѣмъ на общую пользу, ибо сохраню тебѣ часы для великаго твоего дѣла, но я не рабъ. Именно сознавшись въ томъ что ты, Шекспиръ, выше меня своимъ геніемъ и прійдя къ тебѣ служить, я именно этимъ сознаніемъ моимъ и доказалъ, что по нравственному достоинству человѣческому я не ниже тебя нисколько и, *какъ человѣкъ*, тебѣ равенъ“. Да онъ и не скажетъ этого тогда, уже потому одному что и вопросовъ такихъ тогда не возникнетъ вовсе, да и немыслимы они будутъ. Ибо всѣ будутъ воистину новые люди, Христовы дѣти, а прежнее животное будетъ побѣждено. Вы скажете, конечно, что это опять-таки фантазія. Но вѣдь не я же началъ фантазировать первый, а вы сами: вѣдь вы же предположили Коробочку, уже *совершенную* Христіанку съ „крѣпостными *дѣтьми*“, которыхъ она не хочетъ отпустить на волю; это почище моей фантазіи.

Умные люди тутъ разсмѣются и скажутъ: „хорошо же, послѣ того, хлопотать о самосовершенствованіи въ духѣ Христіанской любви, когда настоящаго Христіанства стало быть нѣтъ совсѣмъ на землѣ, или такъ мало что и разглядѣть трудно, иначе (по моимъ же то есть словамъ) мигомъ все бы уладилось, всякое рабство уничтожилось, Коробочки переродились бы въ свѣтлыхъ геніевъ и всѣмъ бы оставалось только запѣть Богу гимнъ? Да, конечно, господа насмѣшники, настоящихъ Христіанъ еще ужасно мало (хотя они и есть). Но почемъ вы знаете сколько именно надо ихъ, чтобъ

не умиралъ идеалъ Христіанства въ народѣ, а съ нимъ и великая надежда его? Примѣните къ свѣтскимъ понятіямъ: Сколько надо настоящихъ гражданъ чтобъ не умирала въ обществѣ гражданская доблесть? И на это тоже вы не отвѣтите. Тутъ своя политическая экономія, совсѣмъ особаго рода, и намъ неизвѣстная, даже вамъ неизвѣстная г. Градовскій. Скажутъ опять: если такъ мало исповѣдниковъ великой идеи, то какая въ ней польза? А вы почему знаете къ какой это пользѣ въ концѣ концовъ приведетъ? До сихъ поръ повидимому только того и надо было чтобъ не умирала великая мысль. Вотъ другое дѣло теперь, когда что-то новое надвигается въ мірѣ повсемѣстно и надо быть готовымъ... Да и дѣло то тутъ вовсе не въ пользѣ, а въ истинѣ. Вѣдь если я вѣрю что истина тутъ, вотъ именно въ томъ во что я вѣрую, то какое мнѣ дѣло еслибъ даже весь міръ не повѣрилъ моей истинѣ, насмѣялся надо мной и пошелъ иною дорогой? Да тѣмъ то и сильна великая нравственная мысль, тѣмъ то и единитъ она людей въ крѣпчайшій союзъ, что измѣряется она не немедленной пользой, а стремитъ ихъ въ будущее, къ цѣлямъ вѣковѣчнымъ, къ радости абсолютной. Чѣмъ соедините вы людей для достиженія вашихъ гражданскихъ цѣлей, если нѣтъ у васъ основы въ первоначальной великой идеѣ нравственной? А нравственныя идеи только однѣ: всѣ основаны на идеѣ личнаго абсолютнаго самосовершенствованія впереди, въ идеалѣ, ибо оно несетъ въ себѣ все, всѣ стремленія, всѣ жажды, а стало быть изъ него же исходятъ и всѣ ваши гражданскіе идеалы. Попробуйте ка соединить людей въ гражданское общество съ одной только цѣлью „спасти животишки?“ Ничего не получите кромѣ нравственной формулы: „Chacun pour soi et Dieu pour tous“. Съ такой формулой никакое гражданское учрежденіе долго не проживетъ, г. Градовскій.

Но я пойду далѣе, я намѣренъ васъ удивить: Узнайте, ученый профессоръ, что общественныхъ гражданскихъ идеаловъ, какъ такихъ, какъ не связанныхъ органически съ идеалами нравственными, а существующихъ сами по себѣ, въ видѣ отдѣльной половинки, откромсанной отъ цѣлаго вашимъ ученымъ ножомъ; какъ такихъ наконецъ, которые могутъ быть взяты извнѣ и пересажены на какое угодно новое мѣсто съ успѣхомъ, въ видѣ отдѣльнаго „учрежденія, такихъ идеаловъ, говорю я,—нѣтъ вовсе, не существовало никогда, да и не можетъ существовать! Да и что такое общественный идеалъ, какъ понимать это слово? Конечно суть его въ стремленіи людей отыскать себѣ формулу общественнаго устройства, по возможности безошибочную и всѣхъ удовлетворяющую—вѣдь такъ? Но формулы этой люди не знаютъ, люди ищутъ ее всѣ шесть тысячъ лѣтъ своего историческаго періода и не могутъ найти. Муравей знаетъ формулу своего муравейника, пчела тоже своего улья (хоть не знаютъ по человѣчески, такъ знаютъ по своему, имъ больше не надо), но человѣкъ не знаетъ своей формулы. Откуда же коли такъ взяться идеалу гражданскаго устройства въ обществѣ человѣческомъ? А слѣдите исторически и тотчасъ увидите изъ чего онъ берется. Увидите что онъ есть единственно только продуктъ нравственнаго самосовершенствованія единицъ, съ него

и начинается, и что было такъ съ поконъ вѣка и пребудетъ во вѣки вѣковъ. При началѣ всякаго народа, всякой національности, идея нравственная всегда предшествовала зарожденію національности, *ибо она же и создавала ее.* Исходила же эта нравственная идея всегда изъ идей мистическихъ, изъ убѣжденій что человѣкъ вѣченъ, что онъ не простое земное животное, а связанъ съ другими мірами и съ вѣчностью. Эти убѣжденія формулировались всегда и вездѣ въ религію, въисповѣданіе новой идеи, и всегда, какъ только начиналась новая религія, такъ тотчасъ же и создавалась граждански новая національность. Взгляните на евреевъ и мусульманъ: національность у евреевъ сложилась только послѣ закона Моисеева, хотя и началась еще изъ закона Авраамова, а національности мусульманскія явились только послѣ Корана. Чтобъ сохранить полученную духовную драгоцѣнность тотчасъ же и влекутся другъ къ другу люди и тогда только, ревностно и тревожно, „работою *другъ подлѣ друга, другъ для друга и другъ съ другомъ*“ (какъ вы краснорѣчиво написали)—тогда только и начинаютъ отыскивать люди: какъ бы имъ такъ устроиться чтобъ сохранить полученную драгоцѣнность не потерявъ изъ нея ничего, какъ бы отыскать такую *гражданскую* формулу совмѣстнаго житія, которая именно помогла бы имъ выдвинуть на весь міръ, въ самой полной ея славѣ ту нравственную драгоцѣнность, которую они получили. И замѣтьте, какъ только послѣ временъ и вѣковъ (потому что тутъ тоже свой законъ, намъ невѣдомый) начиналъ расшатываться и ослабѣвать въ данной національности ея идеалъ духовный, такъ тотчасъ же начинала падать и національность, а вмѣстѣ падалъ и весь ея гражданскій уставъ и померкали всѣ тѣ гражданскіе идеалы, которые успѣвали въ ней сложиться. Въ какомъ характерѣ слагалась въ народѣ религія въ такомъ характерѣ зарождались и формулировались и гражданскія формы этого народа. Стало быть гражданскіе идеалы всегда прямо и органически связаны съ идеалами нравственными, а главное то, что несомнѣнно изъ нихъ только однихъ и выходятъ. *Сами же по себѣ* никогда не являются, ибо являясь имѣютъ лишь цѣлью утоленіе нравственнаго стремленія данной національности какъ и по скольку это нравственное стремленіе въ ней сложилось. А стало быть „самосовершенствованіе въ духѣ религіозномъ“ въ жизни народовъ есть основаніе всему, ибо самосовершенствованіе и *есть исповѣданіе полученной религіи*, а „гражданскіе идеалы“ сами, безъ этого стремленія къ самосовершенствованію никогда не приходятъ, да и зародиться не могутъ. Вы скажете, можетъ быть, что вы и сами говорили что „личное самосовершенствованіе есть начало всему“ и что вовсе ничего не дѣлили ножомъ. То-то и есть что дѣлили, что разрѣзывали живой организмъ на двѣ половинки. Не „*начало* только всему“ есть личное самосовершенствованіе, но и продолженіе всего и исходъ. Оно объемлетъ, зиждетъ и сохраняетъ организмъ національности и только оно одно. Для него и живетъ гражданская формула націи, ибо и создалась для того только чтобъ сохранять его, какъ первоначально полученную драгоцѣнность. Когда же утрачивается въ національности потребность общаго единичнаго самосовершенствованія *въ томъ духѣ, который зародилъ ее*, тогда постепенно изчезаютъ всѣ „гражданскія учрежденія“ ибо нечего болѣе охранять. Такимъ образомъ

никакъ нельзя сказать то, что вы сказали въ слѣдующей вашей фразѣ:

«Вотъ почему въ весьма великой степени общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенства *общественныхъ учрежденій* воспитывающихъ въ человѣкѣ если не христіанскія, то гражданскія доблести».

„Если не христіанскія, то гражданскія доблести!“ Развѣ не видѣнъ тутъ ученый ножъ, дѣлящій недѣлимое, разрѣзающій цѣлокупный живой организмъ на двѣ отдѣльныя мертвыя половинки, нравственную и гражданскую? Вы скажете что и „въ общественныхъ учрежденіяхъ“ и въ санѣ „гражданина“ можетъ заключаться величайшая нравственная идея, что „гражданская идея“ въ націяхъ уже зрѣлыхъ, развившихся, всегда замѣняетъ первоначальную идею религіозную, которая въ нее и вырождается и которой она по праву наслѣдуетъ. Да, такъ многіе утверждаютъ, но мы такой фантазіи еще не видали въ осуществленіи. Когда изживалась нравственно-религіозная идея въ національности, то всегда наступала панически—трусливая потребность единенія, съ единственною цѣлью „спасти животишки“—другихъ цѣлей гражданскаго единенія тогда не бываетъ. Вотъ теперь французская буржуазія единится именно съ этою цѣлью „спасенія животишекъ“ отъ четвертаго ломящагося въ ея дверь сословія. Но „спасеніе животишекъ“ есть самая безсильная и послѣдняя идея изъ всѣхъ идей единящихъ человѣчество. Это уже начало конца, предчувствіе конца. Единятся, а сами уже навострили глаза какъ бы при первой опасности поскорѣе разсыпаться врозь. И что тутъ можетъ спасти „учрежденіе“ какъ таковое, какъ взятое само по себѣ? Были бы братья будетъ и братство. Если же нѣтъ братьевъ то никакимъ „учрежденіемъ“ не получите братства. Что толку поставить „учрежденіе“ и написать на немъ: Liberté, Egalité, Fraternité? Ровно никакого толку не добьетесь тутъ „учрежденіемъ“, такъ что придется,—необходимо, неминуемо придется—присовокупить къ тремъ „учредительнымъ“ словечкамъ четвертое: „ou la mort,“ fraternité ou la mort“—и пойдутъ братья откалывать головы братьямъ, чтобъ получить чрезъ „гражданское учрежденіе“ братство. Это только примѣръ, но хорошій. Вы г. Градовскій, какъ и Алеко, ищете спасенія въ вещахъ и въ явленіяхъ внѣшнихъ: „Пусть де у насъ въ Россіи поминутно глупцы и мошенники (на иной взглядъ можетъ и такъ), но стоитъ лишь пересадить къ намъ изъ Европы какое нибудь „учрежденіе“ и по вашему все спасено. Механическое перенесеніе къ намъ европейскихъ формъ (которыя тамъ завтра же рухнутъ), народу нашему чуждыхъ и волѣ его непригожихъ, есть, какъ извѣстно, самое важное слово русскаго европеизма. Кстати, вотъ вы, г. Градовскій, осуждая наше неустройство, стыдя тѣмъ Россію и указывая ей на Европу, изволите говорить:

«А пока что, мы не можемъ справиться даже съ такими несогласіями и противурѣчіями, съ которыми Европа справилась давнымъ давно»...

Это Европа-то справилась? Да кто только могъ вамъ это сказать? Да она наканунѣ паденія, ваша Европа, повсемѣстнаго, общаго и ужаснаго. Муравейникъ, давно уже созидавшійся въ ней безъ Церкви и безъ Христа (ибо церковь, замутивъ идеалъ свой, давно уже и повсемѣстно перевоплотилась тамъ въ Государство), съ расшатаннымъ до основанія нравственнымъ началомъ, утратившимъ все все общее и все абсолютное,—этотъ созидавшійся муравейникъ, говорю я, весь подкопанъ. Грядетъ четвертое сословіе, стучится

и ломится въ дверь, и если ему не отворятъ, сломаетъ дверь. Не хочетъ оно прежнихъ идеаловъ, отвергаетъ всякъ доселѣ бывшій законъ. На компромисъ, на уступочки не пойдетъ, подпорочками не спасете зданія. Уступочки только разжигаютъ, а оно хочетъ всего. Наступитъ нѣчто такое чего никто и не мыслитъ. Всѣ эти парламентаризмы, всѣ исповѣдываемыя теперь гражданскія теоріи, всѣ накопленныя богатства, банки, науки, жиды, все это рухнетъ въ одинъ мигъ и безслѣдно — кромѣ развѣ жидовъ, которые и тогда найдутся какъ поступить, такъ что имъ даже въ руку будетъ работа. Все это „близко, при дверяхъ“. Вы смѣетесь? Блаженны смѣющіеся. Дай Богъ вамъ вѣку, сами увидите. Удивитесь тогда. Вы скажете мнѣ смѣясь: „Хорошо же вы любите Европу коли такъ ей пророчите“. А я развѣ радуюсь? Я только предчувствую, что подведенъ итогъ. Окончательный же расчетъ, уплата по итогу, можетъ произойти даже гораздо скорѣе, чѣмъ самая сильная фантазія могла бы предположить. Симптомы ужасны. Ужъ одно только стародавненеестественное политическое положеніе европейскихъ государствъ можетъ послужить началомъ всему. Да и какъ бы оно могло быть естественнымъ, когда неестественность заложена въ основаніи ихъ и накоплялась вѣками? Не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ какъ рабомъ, а вѣдь для этой единственно цѣли и слагались до сихъ поръ *всѣ* гражданскія (уже давно не христіанскія) учрежденія Европы, теперь совершенно языческой. Эта неестественность, и эти „неразрѣшимые“ политическіе вопросы (всѣмъ извѣстные впрочемъ) непремѣнно должны привести къ огромной, окончательной, раздѣлочной политической войнѣ, въ которой всѣ будутъ замѣшаны и которая разразится въ нынѣшнемъ еще столѣтіи, можетъ даже въ наступающемъ десятилѣтіи. Какъ вы думаете: выдержитъ тамъ *теперь* длинную политическую войну общество? Фабрикантъ трусливъ и пугливъ, жидъ тоже, фабрики и банки закроются всѣ, чуть-чуть лишь война затянется или погрозитъ затянуться, и миліоны голодныхъ ртовъ, отверженныхъ пролетаріевъ брошены будутъ на улицу. Ужъ не надѣетесь ли вы на благоразуміе политическихъ мужей и на то, что они не затѣятъ войну? Да когда же на это благоразуміе можно было надѣяться? Ужъ не надѣетесь ли вы на палаты, что они не дадутъ денегъ на войну, предвидя послѣдствія? Да когда же тамъ палаты предвидѣли послѣдствія и отказывали въ деньгахъ чуть-чуть настойчивому руководящему человѣку? И вотъ пролетарій на улицѣ. Какъ вы думаете, будетъ онъ теперь по прежнему терпѣливо ждать умирая съ голоду? Это послѣ политическаго-то соціализма, послѣ интернаціоналки, соціальныхъ конгрессовъ и Парижской коммуны? Нѣтъ, теперь уже не по прежнему будетъ: они бросятся на Европу и все старое рухнетъ навѣки. Волны разобьются лишь о нашъ берегъ, ибо тогда только, вьявь и воочію обнаружится передъ всѣми до какой степени нашъ національный организмъ особливъ отъ европейскаго. Тогда и вы гг. доктринеры, можетъ быть, схватитесь и начнете искать у насъ „народныхъ началъ“, надъ которыми теперь только смѣетесь. А теперь-то вы, господа, теперь-то—указываете намъ на Европу и зовете пересаживать къ намъ именно тѣ самыя учрежденія, которыя тамъ завтра же рухнутъ, какъ изжившій свой вѣкъ абсурдъ и въ которыя и

тамъ уже многіе умные люди давно не вѣрятъ, которыя держатся и существуютъ тамъ до сихъ поръ лишь по одной инерціи. Да и кто, кромѣ отвлеченнаго доктринера могъ принимать комедію буржуазнаго единенія, которую видимъ въ Европѣ, за нормальную формулу человѣческаго единенія на землѣ? Они де у себя давно справились: Это послѣ двадцати-то конституцій менѣе чѣмъ въ столѣтіе, и безъ малаго послѣ десятка революцій? О, можетъ быть только тогда, освобожденные на мигъ отъ Европы, мы займемся ужъ сами, безъ европейской опеки, нашими общественными идеалами, и непремѣнно исходящими изъ Христа и личнаго самосовершенствованія, г. Градовскій. Вы спросите: какіе же могутъ быть у насъ свои общественные и гражданскіе идеалы мимо Европы? Да, общественные и гражданскіе, и наши общественные идеалы—лучше вашихъ европейскихъ, крѣпче вашихъ и даже—о ужасъ!—либеральнѣе вашихъ! Да, либеральнѣе, потому что исходятъ прямо изъ организма народа нашего, а не лакейски-безличная пересадка съ Запада. Теперь я конечно не могу объ этомъ распространиться, ну хоть потому одному что и безъ того статья длинна вышла. Кстати, вспомните: что такое и чѣмъ такимъ стремилась быть древняя Христіанская Церковь? Началась она сейчасъ же послѣ Христа, всего съ нѣсколькихъ человѣкъ, и тотчасъ, чуть не въ первые дни послѣ Христа, устремилась отыскивать свою „гражданскую формулу“, всю основанную на нравственной надеждѣ утоленія духа по началамъ личнаго самосовершенствованія. Начались Христіанскія общины—Церкви, затѣмъ быстро начала созидаться новая, неслыханная дотолѣ національность — всебратская, всечеловѣческая, въ формѣ общей вселенской Церкви. Но она была гонима, идеалъ созидался подъ землею, а надъ нимъ, поверхъ земли тоже созидалось огромное зданіе, громадный муравейникъ—древняя Римская Имперія, тоже являвшаяся какъ бы идеаломъ и исходомъ нравственныхъ стремленій всего древняго міра: являлся человѣкобогъ, Имперія сама воплощалась какъ религіозная идея, дающая въ себѣ и собою исходъ всѣмъ нравственнымъ стремленіямъ древняго міра. Но муравейникъ не заключился, онъ былъ подкопанъ Церковью. Произошло столкновеніе двухъ самыхъ противуположныхъ идей, которыя только могли существовать на землѣ: Человѣкобогъ встрѣтилъ Богочеловѣка, Аполлонъ Бельведерскій Христа. Явился компромиссъ: Имперія приняла Христіанство, а Церковь римское право и государство. Малая часть церкви ушла въ пустыню и стала продолжать прежнюю работу: явились опять христіанскія общины, потомъ монастыри—все только лишь пробы, даже до нашихъ дней. Оставшаяся же огромная часть Церкви, раздѣлилась впослѣдствіи, какъ извѣстно, на двѣ половины. Въ Западной половинѣ государство одолѣло наконецъ Церковь совершенно. Церковь уничтожилась и перевоплотилась уже окончательно въ Государство. Явилось папство — продолженіе древней Римской Имперіи въ новомъ воплощеніи. Въ Восточной же половинѣ Государство было покорено и разрушено мечемъ Магомета и остался лишь Христосъ уже отдѣленный отъ Государства. А то Государство, которое приняло и вновь вознесло Христа, претерпѣло такія страшныя вѣковыя страданія отъ враговъ, отъ Татарщины, отъ неустройства, отъ крѣпостнаго права, отъ Европы и европеизма, и столько

ихъ до сихъ поръ выноситъ, что настоящей общественной формулы, въ смыслѣ духа любви и христіанскаго самосовершенствованія, дѣйствительно еще въ немъ не выработалось. Но не вамъ бы только укорять его за это, г. Градовскій. Пока народъ нашъ хоть только носитель Христа, на него одного и надѣется. Онъ назвалъ себя крестьяниномъ, т. е. христіаниномъ, и тутъ не одно только слово, тутъ идея на все его будущее. Вы, г. Градовскій, безжалостно укоряете Россію за ея неустройство. А кто мѣшалъ до сихъ поръ ей устроиться во всѣ эти два послѣдніе вѣка, и особенно въ послѣднее пятидесятилѣтіе? А вотъ все, подобные вамъ, русскіе европейцы, г. Градовскій, которые у насъ всѣ два вѣка не переводились, а теперь особенно на насъ насѣли. Кто врагъ органическому и самостоятельному развитію Россіи на собственныхъ ея народныхъ началахъ? Кто насмѣшливо не признаетъ даже существованіе этихъ началъ и не хочетъ ихъ замѣчать! Кто хотѣлъ передѣлать народъ нашъ, фантастически „возвышая его до себя“ — по просту надѣлать все такихъ же какъ сами, либеральныхъ европейскихъ человѣковъ, отрывая, отъ времени до времени, отъ народной массы по человѣчку и развращая его въ европейца даже хоть фалдочками мундира? Этимъ я не говорю, что европеецъ —развратенъ; я говорю только что передѣлывать русскаго въ европейца такъ, какъ либералы его передѣлываютъ—есть сущій развратъ за частую. А вѣдь въ этомъ-то состоитъ весь идеалъ ихней программы дѣятельности: именно въ отлупливаніи по человѣчку отъ общей массы—экой абсурдъ! Это они такъ хотѣли всѣ весемдесять милліоновъ народа нашего отколупать и передѣлать? Да неужели же вы серьезно думаете, что нашъ народъ весь, всей массой своей, согласится стать такою же безличностью, какъ эти господа русскіе европейцы?

IV.

Одному смирись, а другому гордись. Буря въ стаканчикѣ.

До сихъ поръ я только препирался съ вами, г. Градовскій, теперь же хочу васъ и упрекнуть за намѣренное искаженіе моей мысли, главнаго пункта въ моей „Рѣчи“.

Вы пишете:

«Еще слишкомъ много неправды, остатковъ вѣковаго рабства засѣло въ немъ (т. е. въ народѣ нашемъ) чтобъ онъ могъ *требовать себѣ поклоненія* и сверхъ того, претендовать еще на обращеніе всей Европы на путь истинный, какъ это предсказываетъ г. Достоевскій».

«Странное дѣло! Человѣкъ казнящій гордость въ лицѣ отдѣльныхъ скитальцевъ, призываетъ къ гордости цѣлый народъ, въ которомъ онъ видитъ какого то всемірнаго апостола. Однимъ онъ говоритъ: «Смирись»! Другому говоритъ: «Возвышайся»!

И далѣе:

«А тутъ не сдѣлавшись какъ слѣдуетъ народностью, вдругъ мечтать о всечеловѣческой роли! Не рано ли? Г. Достоевскій гордится тѣмъ что мы два вѣка служили Европѣ. Признаемся, это «служеніе» вызываетъ въ насъ не радостное чувство. Время ли вѣнскаго конгресса и вообще эпохи конгрессовъ можетъ быть предметомъ нашей «гордости»? То ли время когда мы, служа Меттерниху, подавляли національное движеніе въ Италіи и Германіи и косились даже на единовѣрныхъ грековъ? И какую ненависть нажили мы въ Европѣ именно за это «служеніе»!

Остановлюсь сначала на этой послѣдней, маленькой, почти невинной передержкѣ: Да развѣ я, сказавъ что „мы въ послѣдніе два вѣка служили Европѣ можетъ быть даже болѣе чѣмъ себѣ“ —развѣ я хвалилъ то *какъ* мы служили? Я только хотѣлъ отмѣтить фактъ служенія, и фактъ этотъ истиненъ. Но фактъ служенія и то: *какъ* мы служили —два дѣла совсѣмъ разныя. Мы могли надѣлать очень много

политическихъ ошибокъ, да и европейцы ихъ дѣлаютъ во множествѣ поминутно, но не промахи наши я хвалилъ, я только фактъ нашего служенія (почти всегда безкорыстнаго) обозначилъ. Неужели вы не понимаете, что это двѣ вещи разныя? Г. Достоевскій гордится тѣмъ что мы служили Европѣ", говорите вы. Да вовсе и не гордясь я это сказалъ, я только обозначалъ черту нашего народнаго духа, черту многознаменующую. Такъ отыскать прекрасную, здоровую черту въ духѣ національномъ значитъ ужъ непремѣнно гордиться? А что вы говорите про Меттерниха и про конгрессы? Это вы то меня будете въ этомъ учить? Да я еще когда вы были студентомъ про служеніе Меттерниху говорилъ, да еще посильнѣе вашего, и именно за слова объ неудачномъ служеніи Меттерниху,—(между другими словами конечно)—тридцать лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ образомъ и отвѣтилъ. Для чего же вы это исказили? А вотъ чтобъ показать: „Видите ли какой я либералъ, а вотъ поэтъ, восторженный то любитель народа, слышите какія ретроградныя вещи мелетъ, гордясь нашимъ служеніемъ Меттерниху". Самолюбіе, г. Градовскій.

Но это конечно пустяки, а вотъ слѣдующее не пустяки.

И такъ, сказавъ народу: „возвышайся духомъ" значитъ сказать ему: „гордись", значитъ склонять его къ гордости, учить его гордости? Вообразите г. Градовскій, что вы вашимъ роднымъ дѣтямъ говорите: „Дѣти, возвышайте, духъ вашъ, дѣти, будьте благородны"!—неужели же это значитъ что вы ихъ гордости учите, или что вы сами, уча ихъ, гордитесь? А я что сказалъ? Я говорилъ о надеждѣ „стать братомъ всѣхъ людей въ концѣ концовъ", прося подчеркнуть слово: „въ концѣ концовъ". Неужели же свѣтлая надежда что хоть когда нибудь въ нашемъ страдающемъ мірѣ осуществится братство, и что и намъ можетъ быть *позволятъ стать братьями* всѣхъ людей—неужели эта надежда есть уже гордость и призывъ къ гордости? Да вѣдь я прямо, прямо сказалъ въ концѣ „Рѣчи": „Чтоже, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча иль науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всемірному, ко всечеловѣчески—братскому единенію сердце русское можетъ быть изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено".... Вотъ мои слова. И неужто въ нихъ призывъ къ гордости? Сейчасъ послѣ приведенныхъ словъ моей „Рѣчи" я прибавилъ: „Пусть наша земля нищая но эту нищую землю въ рабскомъ видѣ исходилъ благословляя Христосъ. Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго слова Его"? Это слово то Христово значитъ призывъ къ гордости, а надежда вмѣстить это слово есть гордость? Вы въ негодованіи пишете: „что намъ слишкомъ рано требовать себѣ поклоненія".—Да какое же тутъ требованіе поклоненія—помилуйте? Это желаніе то всеслуженія, стать всѣмъ слугами и братьями и служить имъ своею любовью, значитъ требовать отъ всѣхъ поклоненія? Да если тутъ требованіе поклоненія, то святое, безкорыстное желаніе всеслуженія становится тотчасъ абсурдомъ. Слугамъ не кланяются, а братъ не колѣнопреклоненій пожелаетъ отъ брата.

Представьте, г. Градовскій, что вы сдѣлали какое нибудь доброе дѣло, или идете только сдѣлать его, и вотъ вы, дорогою, въ добромъ умиленіи вашемъ думаете и воображаете: „какъ

обрадуется этотъ несчастный неожиданной помощи, которую я ему несу, какъ воспрянетъ духомъ, какъ воскреснетъ, пойдетъ разскажетъ о своей радости своимъ домашнимъ, своимъ дѣтямъ, заплачетъ съ ними"..., думая и воображая это вы конечно сами почувствуете умиленіе, иногда даже слезы (неужели этого съ вами никогда не случалось)? и вотъ подлѣ васъ умный голосъ вамъ въ ухо: „Это ты гордишься воображая все это себѣ! Это ты отъ гордости проливаешь слезы"? Помилуйте: да одна уже надежда на то что и мы, русскіе, можемъ хоть что нибудь значить въ человѣчествѣ и хотя бы въ концѣ концовъ удостоимся братски послужить ему,—одна ужъ эта надежда вызвала восторгъ и слезы восторга въ тысячной массѣ слушателей. Я вѣдь не для похвальбы, не изъ гордости это припоминаю, я только обозначаю серьезность момента. Дана была только свѣтлая надежда что и мы можемъ быть чѣмъ нибудь въ человѣчествѣ, хотя бы *только* братьями другимъ людямъ, и вотъ одинъ только горячій намекъ соединяетъ всѣхъ въ одну мысль и въ одно чувство. Обнимались незнакомые и клялись другъ другу впредь быть лучшими. Ко мнѣ подошли два старика и сказали мнѣ: „Мы двадцать лѣтъ были врагами другъ другу и вредили другъ другу, а по вашему слову мы помирились". Въ одной газетѣ поспѣшили замѣтить, что весь этотъ восторгъ ничего не выражаетъ, что было де такое ужъ настроеніе „съ цѣлованіемъ рукъ", и что напрасно ораторы всходили и говорили и доканчивали свои рѣчи.... Что бы они ни сказали, все тотъ же де былъ бы восторгъ, ибо такое ужъ благодушное настроеніе въ Москвѣ объявилось". А вотъ поѣхалъ бы этотъ журналистъ самъ туда и сказалъ бы что нибудь отъ себя: кинулись ли бы къ нему такъ какъ ко мнѣ, или нѣтъ? Отчего же три дня передъ тѣмъ говорили рѣчи и были огромныя овація говорящимъ, но того что случилось послѣ моей рѣчи ни съ кѣмъ тамъ не было? Это былъ единственный моментъ на праздникѣ Пушкина и не повторялся. Видитъ Богъ не для восхваленія своего говорю, но моментъ этотъ былъ слишкомъ серьезенъ и я не могу о немъ умолчать. Серьезность его состояла именно въ томъ, что въ обществѣ ярко и ясно объявились новые элементы, объявились люди, которые жаждутъ подвига, утѣшающей мысли, обѣтованія дѣла. Значитъ не хочетъ уже общество удовлетворяться однимъ только нашимъ либеральнымъ хихиканіемъ надъ Россіей, значитъ мерзитъ уже ученіе о вѣковѣчномъ безсиліи Россіи! Одна только надежда, одинъ намекъ и сердца зажглись святою жаждою всечеловѣческаго дѣла, всебратскаго служенія и подвига. Это отъ гордости они зажглись? Это отъ гордости пролились слезы? Это къ гордости я ихъ призывалъ? Ахъ вы!

Видите ли г. Градовскій: серьезность этого момента вдругъ многихъ испугала въ нашемъ либеральномъ стаканчикѣ, тѣмъ болѣе что это было такъ неожиданно. „Какъ? До сихъ поръ мы такъ пріятно и себѣ полезно хихикали и все оплевывали, а тутъ вдругъ.... да это вѣдь бунтъ? Полицію"! Выскочило нѣсколько перепуганныхъ разныхъ господъ: „Какже съ нами то теперь? Вѣдь и мы тоже писали... куда же насъ теперь дѣнутъ? Затереть, затереть это все поскорѣе и чтобъ не осталось и слѣда, разъяснить скорѣе на всю Россію, что это только такое благодушное настроеніе въ хлѣ-

босольной Москвѣ случилось, миленькій моментикъ послѣ ряда обѣдовъ, а болѣе ничего, ну а бунтъ укротить полиціей?“ И принялись: и трусъ то я, и поэтъ то я, и ничтоженъ то я, и нулевое то значеніе имѣетъ моя рѣчь,— однимъ словомъ сгоряча поступили даже неосторожно: публика могла и не повѣрить. Надо было, напротивъ это дѣло сдѣлать умѣючи, подойти хладнокровнѣе, даже хоть что нибудь и похвалить въ моей „Рѣчи“: „дескать всетаки есть теченіе мыслей“, а затѣмъ, мало по малу, мало по малу, все и заплевать, и затереть, къ общему удовлетворенію. Однимъ словомъ поступили не столь искусно. Явился пробѣлъ, его надо было поскорѣе восполнить, и вотъ немедленно отыскался солидный, опытный уже критикъ, соединяющій безотчетность нападеній съ надлежащею комильфотностью. Этотъ критикъ были вы, г. Градовскій: вы написали, васъ прочли и всѣ успокоились. Вы послужили общему и прекрасному дѣлу, по крайней мѣрѣ васъ вездѣ перепечатали: Не выдерживаетъ дескать строгой критики рѣчь поэта; поэты поэтами, а вотъ умные то люди стоятъ на стражѣ и всегда во время обкатятъ холодной водой мечтателя“. Въ самомъ концѣ вашей статьи вы просите меня извинить вамъ выраженія, которыя я, въ статьѣ вашей, могъ бы счесть рѣзкими. Я, кончая мою статью, не прошу у васъ извиненія за рѣзкости, г. Градовскій, буде таковыя въ статьѣ моей есть. Я отвѣчалъ не лично А. Д. Градовскому, а публицисту А. Градовскому. Лично я не имѣю ни малѣйшихъ причинъ не уважать васъ. Если же не уважаю ваши мнѣнія и остаюсь при томъ, то чѣмъ смягчу прося извиненій? Но мнѣ тяжело было видѣть, что весьма серьозная и знаменательная минута въ жизни общества нашего представлена извращенно, разъяснена ошибочно. Тяжело было видѣть что идею, которой служу я, волокутъ по улицѣ. Вотъ вы то ее и поволокли.

Я знаю, мнѣ скажутъ со всѣхъ сторонъ, что не стоило и смѣшно было писать такой длинный отвѣтъ на вашу довольно короткую, сравнительно съ моей, статью. Но повторяю, ваша статья послужила только предлогомъ: мнѣ хотѣлось кое-что вообще высказать. Я намѣренъ съ будущаго года „Дневникъ Писателя“ возобновить. Такъ вотъ этотъ теперешній номеръ „Дневника“ пусть послужитъ моимъ profession de foi на будущее, „пробнымъ“ такъ сказать номеромъ.

Скажутъ еще пожалуй, что я моимъ вамъ отвѣтомъ уничтожилъ весь смыслъ моей „Рѣчи“, произнесенной въ Москвѣ, гдѣ самъ призывалъ обѣ партіи русскія къ единенію и примиренію и признавалъ законность той и другой. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, смыслъ „Рѣчи“ не уничтоженъ, а напротивъ еще болѣе закрѣпленъ, ибо именно я обозначаю въ моемъ вамъ отвѣтѣ, что обѣ партіи, въ отчужденіи одна отъ другой, во враждѣ одна съ другой, сами ставятъ себя и свою дѣятельность въ ненормальное положеніе, тогда какъ въ единеніи и въ соглашеніи другъ съ другомъ, могли бы можетъ быть все вознести, все спасти, возбудить безконечныя силы и воззвать Россію къ новой, здоровой, великой жизни, доселѣ еще невиданной!

Ѳ. Достоевскій.

Съ 1-го января 1880 года открыта

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

(ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ).

С.-Петербургъ, Кузнечный переулокъ, д. № 5.

Иногороднымъ покупателямъ высылаются всевозможныя книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, учебники, ноты, учебныя пособія. Принимается подписка на всѣ журналы и газеты. Иногородные покупатели прилагаютъ за пересылку приблизит. 10 коп. съ рубля. Учебныя заведенія пользуются 10% уступки или безплатною пересылкою. Порученія исполняются немедленно.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО:

„Униженные и оскорбленные“,

пятое изданіе. 1880 г. Одинъ томъ (30 лист.). Ц. 2 р. 50 к.; ром. «БѢСЫ», 3 тома, ц. 3 р. 50 к.; романъ «ИДІОТЪ», 2 тома. ц. 5 р.; романъ «ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ» 2 тома, ц. 3 р. 50 к.; романъ «ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА», 1 томъ, ц. 2 р.; «ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ» за 1876 г.. 1 сброш. томъ, ц. 2 р. 50 к. «ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ» за 1877 г.; 1 сброш. томъ, ц. 2 р. 50 к.; ром. «ПОДРОСТОКЪ» 3 тома, ц. 3 р. 50 к.

Гг. иногородные, выписывающіе отъ автора, за пересылку не платятъ.

Этотъ выпускъ продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, въ Москвѣ: у Соловьева, Живарева, Кашкина, Мамонтова, Васильева, въ Казани у Дубровина и въ магазинѣ „Восточная Лира“, въ Кіевѣ у Гинтера и Малецкаго, въ Южно-русскомъ Книжномъ Магазинѣ, у Оглоблина

(Литова) и у Іогансена, въ Одессѣ: у Бѣлаго, въ Харьковѣ, у Геевскаго, въ Воронежѣ и Тулѣ: у Аносова, въ Тамбовѣ: у Зотова, въ Тифлисѣ: у Беренштама, въ Черниговѣ: у Данюшевскаго, въ Варшавѣ: у Истомина, въ Томскѣ: у Макушина, въ Козловѣ: у Муравьева, въ Нѣжинѣ: у Куриленко.

Цѣна настоящему выпуску «Дневника Писателя» въ отдѣльной продажѣ 30 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Сентября 1880 года.

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.